

Кутузова Елена

КУКУШКИНЫ ДЕТИ
"НАВЬИ СКАЗКИ"

Навыи сказки

Елена Кутузова

Кукушкины дети

«Автор»

2023

Кутузова Е. Г.

Кукушкины дети / Е. Г. Кутузова — «Автор», 2023 — (Навыи сказки)

Мне до смерти нужна отличная оценка, но чтобы её получить, приходится идти на скучную выставку обрядовых кукол. И вроде они из новоделов, такие не навредят, но почему теперь рядом со мной творится какая-то чертовщина? Чтобы спасти родных от несчастий, нужно срочно выяснить, что стоит за легендой о кукушкиных детях!

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Кутузова

Кукушкины дети

Первый том серии "Навыи сказки" [ТУТ](#). Можно читать как отдельное произведение.

Новую часть кладбища не затеняли от солнца высокие деревья – скорбящие родственники их еще не успели посадить. Слева от тропинки земля бугрилась свежими могильными холмиками, укрытыми пластиковыми венками. Ленты на них обвисли, и только поблескивали на черном фоне золотые буквы: «от скорбящего брата»; «дорогому отцу»; любимой матери.

Справа возвышались такие же ряды могил, только с этой стороны на крестах виднелись фотографии. Люди на них смотрелись слишком четко, и только взгляд казался смазанным, словно в глубине зрачков клубился туман.

Возле выкопанной в красноватой земле ямы стояла железная подставка для гроба. Рядом, опираясь на лопаты, застыли могильщики.

– Что-то воронов не видно, – заметил один из них, оглядывая свежие, еще не потрепанные непогодой кресты.

– Да куда они денутся, – лениво отозвался второй, – сейчас все разойдутся, и эти явятся поминать. А пока народу много.

Он посмотрел на приближающуюся процессию и помрачнел: гроб, который легко несли двое взрослых мужчин, был маленьким. Могильщики указали, куда его ставить, и отошли, уступая место священнику.

Сладковатый запах ладана окутал провожающих клубами дыма. Женские рыдания вырвались в монотонную молитву.

Мать не плакала. За все время ни разу не пошевелилась. Её взгляд был прикован к лицу мертвой дочери, на бледной щеке которой синел похожий на ветвистое дерево шрам.

Когда пришло время, могильщики оттеснили людей и привычно заколотили гроб. При каждом ударе молотка женщина вздрагивала, и вцепившиеся в рукав мужа пальцы белели все сильнее.

Когда гроб подняли, чтобы опустить в могилу, женщина словно спохватилась. Вскрикнула и кинулась вперед, едва не упав в яму. Рухнула на гроб, обняв его двумя руками, и заголосила навзрыд. Из сухих до того глаз потекли слезы.

– Ну, слава тебе, Господи, ожила, – послышалось тихое. – А то я боялась, с ума сойду, болезная. Уйдет за дочерью...

Священник кинул на сказавшую это старуху недовольный взгляд и повернулся к несчастной матери. Вдвоем с отцом ему удалось уговорить женщину отойти от гроба. Он мягко скользнул в яму, и могильщики отступили, чтобы присутствующие могли отдать покойной последний долг.

Стук комьев земли слился с пронзительным карканьем. Оно донеслось из старой части кладбища, но самого ворона не было видно.

И одновременно послышался детский плач. Истошный, испуганный. Люди застыли, прислушиваясь, а когда поняли, что крик исходит из заколоченного гроба, отшатнулись.

Закричала мать. Отец, не задумываясь, прыгнул в могилу. Он срывал крышку голыми руками, ранясь о торчащие гвозди. А потом отшвырнул её прочь.

В гробу, вцепившись в кружевное покрывало, заливалась слезами мертвая девочка. Отец подхватил её на руки и передал наверх. Мать кинулась к ребенку, вцепилась, прижала к себе.

– Чудо! Чудо! – пронеслось над кладбищем.

Священник достал из рюкзака бутылку со святой водой, окропил обеих. Ребенок заплакал еще громче.

– Одержимая! – охнула старуха, которая несколько минут назад убивалась по несчастной матери.

Священник едва удержал неподобающие слова и тихо, чтобы не сорваться, ответил:

– Обычный испуганный младенец, и только. А вы бы лучше в «Скорую» позвонили, а потом помолились Ему в благодарность за ниспосланное чудо!

– И в полицию, – поддержал его кто-то.

Священник не слушал. Он опустился на колени, прямо на землю и молился от всей души, не обращая внимания на любопытных, которые стали сбегаться, чтобы посмотреть на чудо. В результате к подъехавшей машине «Скорой помощи» не верящих в свое счастье родителей провожала толпа. Девочка сидела на руках у отца, сверкая по сторонам темными глазами. А потом встрепенулась:

– Там! – и вытянула ручку, показывая на место, откуда её только что унесли. – Дядя...

Все оглянулись. У опустевшей могилы никого не было, а ленты отброшенных траурных венков подхватил невесть откуда налетевший ветер. Они целлофаново зашуршали, и в этом звуке ясно слышалось:

– Людмила...

– Людочка! – вцепилась в дочку перепуганная мать, но ветер уже стих.

Старуха покачала головой и сказала в пространство, обращаясь ни к кому конкретно и ко всем сразу:

– Нельзя отбирать то, что уже отдано Хозяину, ой нельзя...

В листе мелькнула большая белая птица. Заметив её, старуха мелко и часто закрестилась и заторопилась прочь.

Друзья! напоминаю, что вы читаете черновик, а не готовый роман. Могут встречаться ошибки, опечатки и легкие несостыковки, которые будут убраны после финальной вычитки.

Глава 1

Холод пробрался под одеяло. Белка подтянула колени к груди и укрылась с головой. Так было теплее, но дышать стало нечем.

И все равно просыпаться не хотелось. Воскресенье – законный выходной, когда можно проваляться в кровати хоть до полудня.

Но почему в комнате так холодно?

Белка высунул голову из-под одеяла. Узкая фрамуга стояла в положении «проветривание». Похоже, вчера вечером кто-то забыл закрыть окно.

Белка снова нырнула под одеяло. Выползть из тепла в морозильник, в который превратилась комната, не хотелось. Но и лежать, скрючившись, в темноте и духоте – тоже. Раздраженно пробурчав про голову садовую, Белка рыком откинула одеяло и добежала до окна и захлопнула фрамугу, а потом резким движением повернула ручку, надеясь тут же нырнуть в еще теплую кровать.

Фиксатор заело.

Белка приплясывала на холодном полу, а дыхание тут же превращалось в белое облачко.

Она поворачивала ручку и так, и эдак, давила и дергала, но замок не поддавался.

Вот так всегда: как только начнешь впопыхах, так что-то да случится! И мечешься потом, как угорелая кошка.

– Да чтоб тебя! – не выдержала Белка и, схватив со стола стопку учебников, водрузила их на подоконник, подперев створку. И тут же нырнула обратно в остывшую кровать и поплотнее укуталась в одеяло, в надежде поспать еще с часик.

Но сон пропал. А вместе с ним и уютное ощущение выходного утра. Да еще этот запах гари... Опять у мамы молоко убежало?

Белка босиком прошлепала к двери. Вонь усилилась, а вместе с ней в комнату ворвались ароматы блинчиков, кофе и еще один, знакомый до жути... Белка принялась и помотала головой. Показалось. И то верно – откуда в квартире запах тины? У них даже аквариума нет!

Белка спрятала руки под мышки и съежилась – холод не торопился исчезать. От него перехватывало дыхание, и она даже оглянулась на фрамугу, вдруг снова открылась. Но учебники не позволяли ей сдвинуться.

Привалившись к стене и заставив себя расправить плечи, Белка несколько раз глубоко вдохнула, как учил психолог. Вскоре озноб отступил. И вонь стоячей воды исчезла.

Значит, это был всего лишь холод, а не паническая атака. Их не было так давно, что Белка уже поверила в то, что отошла от деревенских приключений.

Но холод никуда не делся. Пришлось лезть в шкаф за кигурами. В теплом комбинезоне стало теплее.

Пройдя сквозь заполняющую коридор марь, Белка вошла в кухню. Здесь дыма было больше, он напоминал туман. В его глубине сидела, уставившись в одну точку, мама. Сжимающие смартфон пальцы побелели, оторванная от него подвеска-бусина лежала на столе, но мама, кажется, ничего не замечала.

– Оля, открой окно, – папа вынырнул из дымного эпицентра и швырнул в раковину испорченную сковородку. Она тут же зашипела от воды, увеличив задымленность.

– Что случилось? – закашлявшись, Белка протиснулась к окну и распахнула его настежь. Холод ворвался в кухню, разметал клубы дыма и остатки тепла. Когда сквозняк сдул со стола салфетку, мама вздрогнула и посмотрела на Белку:

– Проснулась? А я вот, блины пеку... Подожди, я сейчас...

Она засуетилась, заметалась по кухне, хватая то ложку, то лопатку для готовки, то кружку...

Папа заставил её сесть и взглядом велел дочери закрыть окно:

– Я сам допеку...

Папа взялся готовить! Белка поежилась, и вовсе не от холода.

– Ма, па... Что случилось?

Мама, успевшая снова впасть в оцепенение медленно разлепила пересохшие губы:

– Бабушка звонила. Тетя Аня с дядей Костей попали в аварию.

Белка охнула и прикрыла ладошкой рот.

– Они живы? Сильно пострадали? Машина цела? А Светка? Светка тоже? – затараторила она.

Слова сам сыпались. Остановить поток вопросов Белка смогла только тогда, когда заговорила мама:

– Светы с ними не было. А Аня с Костей в реанимации. Оба... – она замолчала и растерянно оглянулась на мужа: – Наверное, мне тоже надо. К ним... Мама одна не справится.

Папа выложил готовый блинчик на тарелку, выключил плиту и только после этого ответил:

– Я поеду с тобой. Если понадобится, попробую договориться о консультации в Москве.

Слушая его уверенный голос, Белка успокоилась. Все-таки молодец у неё папка! Вон как быстро все решил! И даже маме стало лучше, уже не такая бледная. И, желая подбодрить родителей, Белка закивала:

– Конечно, езжайте! Я присмотрю за домом.

Взгляд мамы снова стал растерянным:

– Я не хочу оставлять Олю одну. Она еще совсем ребенок...

Белка чуть не задохнулась от возмущения. Вот всегда так: если от неё что-то надо, так она взрослая, а как на дискотеку вечером, или еще что, так «мала еще». Но спорить не стала – предки и так на пределе. На помощь неожиданно пришел папа. Он подал маме стакан воды и примиряюще заметил:

– Дорогая, ты не права. Ольга у нас уже совсем большая девочка. Она справится. Ну хоть кто-то в семье в неё верит!

– Конечно, справлюсь!

От перспектив остаться совершенно одной, как будто она и вправду взрослая, кинуло в жар.

Папа быстро отпросился с работы. Он вошел в кухню, сжимая в руке смартфон, и велел:

– Давай собираться. Лучше выехать до обеда.

Мама тут же перестала паниковать. Она достала из-под кровати большой чемодан и стала укладывать вещи. Быстрые, четкие движения, ни одного лишнего. Сунувшаяся помочь Белка тут же поняла, что больше мешает, и вернулась на кухню – она так и не успела позавтракать.

Блины еще не остыли. Макая и в сметану с вареньем и запивая молоком, она задумалась.

Квартира будет полностью в её распоряжении. Можно пригласить девчонок, устроить посиделки... Только Белка не знала, кого приглашать. Это раньше у неё было много подруг, но после возвращения из речного они почему-то постепенно перестали с ней водиться. Заявили, что она изменилась, стала какой-то скучной, потеряла изюминку.

Она попыталась им объяснить про потусторонние силы, рассказать про мельницу, про водяного, русалку... Но после этого Белку объявили еще и странной.

Хорошо еще, что не приравняли к Лизоблюдке.

При мысли об этой однокласснице Белку передернуло. И сразу стало так одиноко. И совсем расхотелось самостоятельности.

– Ничего, выдержу, это всего на несколько дней! – сообщила она сама себе и прерывисто вздохнула: кого она обманывает! Ей до слез не хочется оставаться одной!

В горле встал ком. Она сглотнула, но он никуда не делся. Белка потянулась, чтобы налить себе еще молока, и поняла, что все звуки в квартире куда-то исчезли.

По спине пробежал холодок, и накатила такая тоска, словно она осталась одна во всем мире.

– Мама? – невнятно позвала Белка, но ответа не услышала.

Ей надо было пройти всего четыре шага, чтобы открыть дверь из кухни, но вместо этого Белка съежилась на стуле и поджала под себя ноги – они тоже замерзли. Тело словно окаменело и не желало слушаться.

– Ма-а-ам! – позвала на громче, но тишина поглотила звуки.

Резкий стук в окно заставил Белку взвизгнуть и опрометью выскочить из кухни.

Показалось – лопнул мыльный пузырь, в котором она сидела. Мир наполнился теплом и звуками: папа разговаривал по телефону, одновременно отвечая маме, которая спешно укладывала чемоданы. Хлопали дверцы шкафов, бубнил включенный фоном телевизор.

Показалось.

Белка обмякла и привалилась спиной к стене. И тут же снова напряглась: когда родители уедут, пусто будет не только на кухне, но и во всей квартире. От суеты поспешных сборов стало тошно. Как будто родители торопятся уехать, бросить её одну. В носу засвербило, и Белка громко чихнула.

Мама тут же перестала что-то втолковывать папе и выглянула в коридор:

– Оля, ты почему босиком? Простынешь. Быстро обуйся!

Ног действительно замерзли, и Белка побежала к себе за тапочками.

В комнате кружились снежинки – учебники все-таки сдвинулись под тяжестью фрамуги, так что окно снова открылось. Вернув все на место, Белка закуталась поверх кигуруми в махровый халат и уселась в кровать, подобрав под себя заледеневшие ноги.

Ощущение грядущего одиночества было как эхо из прошлого: точно такая же тоска была под водой, когда речная тина опутала тело и приковала ко дну. И вонь гниющих водорослей и стоячей воды... Белка не могла ошибиться, именно этот запах она почуяла, когда проснулась.

После речного он часто появлялся перед разными неприятностями. Вот и сегодня предсказал.

Или все-таки накликал?

Белка даже задохнулась от такой догадки. Усидеть на месте было невозможно, и она заматалась по комнате, рассуждая вслух:

– Домовой по-другому предупреждает, и то не всегда. А тут, как по заказу, если завоняет – жди какой-то гадости... Ой!

В ногу вонзилось что-то острое. Прямо сквозь тапочек. Белка сняла его с ноги и допрыгала до стула. На ступне красовался небольшой порез, а в мягкой подошве тапка торчало сломанное пестро-коричневое перо. Видимо, ветер закинул его сквозь открытое окно.

Аптечка находилась на кухне. Белка дохромала до неё, стараясь, чтобы родители не заметили и, схватив коробку с лекарствами, прошмыгнула обратно к себе в комнату. Там пошипела немного, когда ранку защищало от перекиси и йода, заклеила все пластырем и уселась, подперев голову кулаком. Мысль о том, что беда была накликана – хоть вонью, хоть проклятьем – не отступала. И что с этим делать? Разве что поискать информацию в сети. Как в той сказке: «иди туда, не знаю куда»... Ноутбук включался целую вечность. Белка ерзала на стуле и постоянно шевелила мышкой, словно это могло ускорить загрузку. А потом быстро застучала по клавишам, не обращая внимания на то, что не всегда попадает на нужные.

Родители не сказали ни время аварии, ни место. Но почти у всех людей имеются смартфоны, и почти все, из тех, у кого они есть, умеют фотографировать.

Синюю машину, на которой тетя Аня с мужем обычно приезжали в гости, она узнала не сразу, так её покорежило. Вокруг груды металлолома возились люди: в форме и без. Судя по количеству снимков, зевак на месте аварии собралось немало.

Тем лучше. Чем больше ракурсов, тем скорее Белка найдет нужное. Вопрос – что именно надо найти. Поэтому она просто листала фотографии, надеясь заметить хоть что-то необычное, хоть какую-то зацепку.

Один кадр просто поразил: разбитое лобовое стекло, покореженное зеркало и на нем – перемазанная чем-то бурым самодельная куколка. Рядом с ней повис, зацепившись за выступ, деревянный крестик.

Несколько бусин, чудом не слетевших с порванного шнурка, на котором он держался, напомнили о раздувшейся, почему-то красной гусенице. Белка видела такую в Речном. Когда Артем на неё наступил, на земле осталось мерзкое пятно.

К горлу подкатила тошнота и Белка ударила по кнопке клавиатуры, закрыв фотографию, но курсор сбился, и на экране появилась другая картинка – та самая куколка, только теперь уже крупным планом. Лица у неё не было, но пятна грязи легли неровными мазками и выглядели совсем как глаза, а огромный рот словно распахнулся в немом крике.

В углу снимка стояло время – сегодня, восемь сорок утра.

Это было задолго до того, как в доме появился запах протухшей воды. Значит, вонь все-таки не накликивала беду. Тогда что это? Белка тяжело вздохнула: кто знает, какая нечисть увязалась за ней из речного?

Верить в такое не хотелось, но ничего другого не придумывалось. А если это не предупреждение, а проклятье, значит...

Забыв о больной ноге, она помчалась к родителям.

– Мам, пап, может, не поедете? Я смотрела прогноз погоды, там сильный ветер, а местами метель. Дороги занесет...

Папа нахмурился и полез в смартфон. А мама, уже собранная и с совершенно сухими глазами, произнесла, словно извиняясь:

– Все равно ехать придется. Понимаешь, Оля...

Её перебил папа:

– Дочь, кажется, ты какой-то другой прогноз смотрела. У меня никакой метели не обещают, – он показал Белке экран смартфона.

– Ясно. Солнечно. Легкий мороз. Так что все будет в порядке. Ну, поехали? – он подхватил чемодан.

Мама скороговоркой закидала Белку ценными указаниями:

– Супа на два дня хватит, потом что-нибудь приготовишь. В морозилке есть фарш, сделай котлеты. Если не будешь справляться, позвони тете Наташе, она поможет. Ну, все. Мы уехали, – она чмокнула Белку в щеку, порывисто обняла и вышла из квартиры. Папа подмигнул дочери и вышел следом.

Ощущение надвигающейся катастрофы накрыло паникой. Белка выскочила на лестничную площадку: – Можете отложить поездку? Хотя бы до завтра...

– Оля, – папа обжег её строгим взглядом: – Это что за эгоизм?

– Подожди, – мама быстро вернулась и приложила ладонь ко лбу Белки, – Оля, у тебя все в порядке? Ты какая-то бледная. Тебя не тошнит? Заболела?

Вот он, еще один шанс! Правда, без гарантий, но попробовать стоило. А вдруг? Белка тут же соорудила жалобную мину. Это было просто, с таким-то настроением:

– Да, мне нехорошо. Голова кружится. И тошнит.

Для убедительности она даже оперлась рукой об стену.

Мама нахмурилась:

– Может, чем-то отравилась? Что ты сегодня ела?

– Блины она ела, – глядя на маму, папа тоже заволновался. – Может, сметана была несвежая? Так мы все ели... Вызвать скорую?

– Да-да, вызывайте! – Белка провела рукой по лбу, вытирая испарину.

Сейчас она была готова вынести что угодно: уколы, поездку в больницу, даже промывание желудка. Лишь бы родители остались дома, а не выезжали на эту проклятую трассу. И запах тины был ни при чем: наверняка причиной аварии, в которой пострадали тетя и дядя, был гололед. Белке совсем не хотелось, чтобы родители повторили их судьбу.

– Подожди, – мама остановила уже набиравшего номер неотложки папу. – Ольга, тебе на самом деле плохо?

– Да, – обманув раз, она уже не могла пойти на попятный.

– А мне так не кажется. Посмотри-ка мне в глаза...

Это был нечестный прием, которым мама пользовалась без зазрения совести. Солгавшая Белка ни разу не смогла выдержать её прямой взгляд. Вот и теперь отвернулась.

– Оля, – мама даже не постаралась смягчить тон, – ты понимаешь, что нам сейчас не до твоих шуток? Аня в реанимации, Костя тоже неизвестно, выживет ли. Бабушка разрывается между ними и Светой. Оля, я очень тебя прошу, прекрати капризничать. Ты ведь уже совсем взрослая... Или... – она замерла, с опаской вглядываясь лицо Белки, – может быть, это опять твои «предчувствия»?

Папа за её спиной вскинул голову. Видно было, что он прислушивается к ответу.

Остановить их оказалось так легко! Нужно только сказать о том, что квартира и даже лестничная клетка провоняли тинной!

Но тогда начнется ад.

В глазах мамы поселится страх, а папа будет молча переживать за дочку. Зато они все будут живы.

Или сойдут с ума от тревоги. И виновата будет Белка. Нарисованная в мыслях картина пугала не меньше, чем вид разбитой машины.

– Хорошо. Езжайте. Только папа, очень тебя прошу – не гони! – горло перехватило, и она закашлялась.

– Договорились, – голос мамы потеплел, и она порывисто обняла дочь. – Мы будем осторожны. Ведь так? – она повернулась к папе. Тот кивнул:

– Конечно. Я буду очень аккуратен. Ну так что, мы уже можем ехать?

Стоять, уткнувшись лицом в мамино плечо было очень уютно, но объятия разомкнулись, и холод от коридорного сквозняка пробрался под халат и кигуруми. Белка поежилась:

– Скатертью дорожка, – пробормотала пожелания хорошего пути и, резко повернувшись, побрела в свою комнату.

Сидеть в пустой квартире было неуютно. Белка попробовала посмотреть кино, но не нашла ничего интересного и решила почитать. И через полчаса поняла, что поговорка про книгу и фигу как раз про неё.

С этим надо было что-то делать. Прослonyaвшись по комнатам, Белка решила, что вполне заслуживает утешительного похода на какой-нибудь фуд-корт.

Быстрее всего в торговый центр можно было попасть напрямик, через стоянку. Прихрамывая, Белка лавировала между припаркованных машин, вертя головой во все стороны. Но это было неудобно, и она стянула не только капюшон, но и пушистую вязанную шапочку. Уши тут же замерзли, зато стало слышен звук двигателей.

– Ну папа! – возле зеленой машины стояла девочка в сером, слишком коротком пуховике. Между краем рукавов и варежками виднелась покрасневшая от мороза кожа. – Папа! Ты же обещал!

Белка узнала одноклассницу. Людка-Лизоблюдка приплясывала от холода и почти что плакала, глядя на отводящего взгляд мужчину.

– Ну не получилось, Люд. Прости. В следующий раз в кино ходим. И мороженое поедим. И куплю тебе, что захочешь... хотя, подожди, – мужчина сунул в руки девочки оранжевую купюру. – Вот, держи. Купи себе там... Платье новое, или обувь, – он смерил дочь взглядом с ног до головы и поморщился: – Куда только мать смотрит? Алименты же плачу...

Бурча что-то о нерадивой мамашке, он торопливо уселся в машину. Дверь громко хлопнула, и от этого звука Людка вздрогнула, словно от удара.

Через лобовое стекло Белка разглядела женщину. Обычную такую, полноватую, с короткой стрижкой. Все в округе знали, что отец Люды ушел из семьи, её мама не забывала напомнить об этом на каждом родительском собрании, требуя войти в положение, и предоставить питание и канцтовары, которые родительский комитет закупал для класса оптом, безвозмездно. То есть – даром.

Но почему-то все считали, что Людкин папа ушел к молодой и очень красивой женщине. А она оказалась самой обыкновенной.

Люда смотрела вслед машине, пятерней стирая текущие слезы. Огромное родимое пятно на лице посинело, делая его похожим на лица зомби из какого-нибудь американского фильма.

Белке торопливо натянула капюшон до самого носа и отошла в сторону, чтобы сделать небольшой крюк. Не хотелось, чтобы Люда узнала, что она все видела. Явно же, папочка лапши навешал и свалил, чтобы не общаться с чокнутой дочуркой.

Наконец, Белка шмыгнула в распахнувшиеся двери торгового центра и застыла, привыкая к шуму. Она даже ненадолго забыла, почему прибежала сюда, в это кишашее людьми место. Не торопясь прогулялась вдоль отделов, решая, куда зайти в первую очередь и привычно свернула в книжный, прошла мимо полок, вглядываясь в названия на корешках.

Мистики стало больше. В прошлом году Белка бы порадовалась, схватила бы стопку книжек и потащила на кассу, а сейчас лишь недовольно морщилась и даже не пыталась взять в руки очередной томик, перелистнуть страницу, вдохнуть запах бумаги и типографии...

Другие жанры Белку тоже не привлекли. Ни приключения, ни фантастика. Она бродила по магазину и жалела, что зашла.

Делать тут было нечего, но когда она почти подошла к выходу, над самым ухом раздалось громкое:

– Привет, Рыжая! Что читаем?

Белка едва сдержала вскрик. И развернулась, готовая или дать деру, или драться.

Перед ней, ухмыляясь во весь рот, стоял Илья, одноклассник.

– Что, напугалась?

– Ремизов, я тебя когда-нибудь стукну. Больно, – рыкнула Белка и направилась к выходу. Настроение опять сломалось, и она едва сдерживалась, чтобы не исполнить обещанное.

– Да ладно тебе, ну, пошутил. Чего сразу обижаться? – хохотнул Илья и замер, выглядывая из отдела: – Глянь, Лизоблюдка нарисовалась.

Белка тут же замерла, наблюдая за происходящим

Возле витрины застыла Люда. Расстегнутый пуховик съехал с плеч, открыв растянутый свитер и заношенную шерстяную юбку. Шапка сбилась на затылок, и мокрые от пота волосы прилипли ко лбу и щекам.

Но девочке было все равно: она разглядывала надетое на манекене платье и совсем не замечала, что поставленный на пол пакет с покупками порвался, и из прорехи вот-вот вывалится коробка с карандашами.

– Картина «мечты нищенки», – прокомментировал Ремизов и тут же добавил: – Рыжая, а это не заразно?

– Что?

– Я о твоей новой манере одеваться. Серенькое, невзрачненькое, немаркое... Еще чуть-чуть, и ты её догонишь! – он кивнул на Людку.

– Отстань, – Белка слегка толкнула Илью, но Ремизов перехватил её руку:

– Хочешь, чтобы Лизоблюдка тебя увидела? Порчи не боишься? – зашептал он страшным голосом, а в глазах запрыгали озорные огоньки.

– Ремизов, – Белка не сдержала тяжелый вздох, – ты балбес! Знаешь же, что я не верю во все эти штуки.

Отвечая, она сунула руку в карман и скрестила пальцы. Очень уж хотелось самой поверить в то, что говорила.

– Слушай, а с чего пошло, что Людка может взглянуть? Моему, все неприятности, которые сыпятся на её врагов, вполне объяснимы. Там наябедничала, там подставила... Вот что-что, а это она умеет.

– А ты что, не в курсе? – удивился Ремизов. – Да весь город знает, что она подмениш!

– А, из-за этого, – Белке стало скучно. – Вот охота тебе слухи распускать.

– Так это не я! Это её мать распускает! Говорит, нечистая сила её доченьку подменила, а ей своё отродье оставила. Теперь вот живет и мучается... Мамаша, разумеется, а не Людка.

Белка прервала его на полужае:

– Не повезло ей. С матерью... Врагу не...

В этот момент Людка сделала шаг в сторону, чтобы получше рассмотреть платье. Блеклое отражение в витрине повторило её движение, но не сразу – оно задержалось на долю секунды. На миг, но этого хватило, чтобы заметить.

В животе словно камень заморозили. Белка резко повернулась и едва сдержала вскрик, почувствовав боль в растревоженной ранке.

– Ты чего? – Илья протянул руку, чтобы подхватить, но Белка оттолкнула его и прошипела:

– Хватит повторять глупости.

– А чего сразу глупости? Видела, какое огромное родимое пятно у неё на щеке? Метка и есть...

– Да ну тебя, – Белка направилась к выходу но, услышав знакомый голос, шмыгнула за ближайшую книжную полку.

Людкина мамаша была куда страшнее ожившего отражения.

На сжавшуюся от ужаса Лизоблюдку наступала полная женщина в черной одежде и сером, по-старушечьи подвязанном платке:

– Вот она где! На тряпки любитесь! А мать, значит, сама должна колготиться!

– Мам, я только посмотрела... – попыталась объясниться Люда, но лишь вызвала новый приступ ярости:

– Посмотрела? На что посмотрела? На наряд этот бесовский? Ты глаза-то свои бесстыжие опусти, зыркает она мне тут... Небось, уже в примерочную ноги наострила? Папка, наверное, опять денег дал? А ты и рада стараться!

Крики разлетались по этажу. Покупатели косились на разошедшуюся женщину, из отделов недовольно посматривали продавцы, но она не обращала на них внимания.

– Испанский стыд, – пробормотала Белка, взглядом прокладывая маршрут к отступлению. Проскользнуть мимо Людки с мамашей незамеченной было почти невозможно.

– Стой, – схватил её за рукав Илья. – Сейчас же самый цирк начнется, – и указал на выходящего из отдела попа.

– Что случилось, дети мои? – священник остановился напротив Людки и вопросительно посмотрел сперва на неё, потом на её мать. – Что за суета непотребная?

– Да вот, батюшка, полюбуйтесь! Мы тут с ног сбились, чтобы сироток обусть-одеть, сумки таскаем, а она на наряды любитесь!

– Почему мне нельзя что-то себе купить? – вскинулась девочка. – Надоело в тряпье ходить! Как будто мы нищие побирушки!

Услышав такое, Белка даже забыла, что прячется. Оказывается, мышь серая умеет бунтовать?

– В тряпье? В тряпье ты сказала? – мать Людки задохнулась от возмущения. – Другие дети и твоему «тряпью» бы обрадовались, Господа благодарили за такую хорошую одежду. Нашлась модница! Скромнее надо быть. Отче, хоть вы ей скажите!

Поп вздохнул, отчего ряса на его животе натянулась, как будто под ней был воздушный шарик и кивнул:

– Соглашусь с твоим возмущением, чадо, ибо сказано женам: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение кос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед богом»!

Глядя, как он вешает, подняв указательный палец, Белка едва сдерживала смех. А мама Людки кивала на каждое слово и выразительно поглядывала на дочь, и как только поп замолчал, продолжила его поучение:

– Вот поэтому лучшим подарком для тебя будет сделать что-то хорошее. Сейчас ты пойдешь и на все сунутые отцом деньги купишь гостинцы бедным сироткам. Им нужнее. А я дома еще на тебя епитимью наложу. Ну, чего уставилась? Иди искупай грех свой! – и она подтолкнула дочь к отделу игрушек.

Люда послушно несколько шагов, но у самого входа оглянулась. Белка на миг поймала её взгляд и почувствовала, как на лбу проступает испарина: в глазах Лизоблюдки бушевала огненная ненависть.

– Ну? Видела? – зашептал Илья. – Она точно ведьма!

– Да какая она ведьма. Просто гадина обыкновенная. Хотя с такой матерью любой сволочью станет. Или свихнется. Наверное.

Белка не понимала, старается ли убедить в этом Илью или саму себя. На душе было гадко. Она принюхалась. В воздухе смешались запахи перекаленного масла, картошки-фри, выпечки и кофе и много чего еще. Но тинной не воняло. Белка поежилась: так и до паранойи недалеко. И, чтобы хоть как-то отвлечься, накинулась на Илью:

– И вообще, Ремизов, хватит разносить сплетни. А если не можешь остановиться, то хотя бы меня не втягивай.

И Белка вышла из книжного.

Обойти детский отдел не получилось. Через стекло было видно, как Людка нехотя складывает в корзину игрушки. Её даже жалко стало. Ровно до того момента, как она повернулась и заметила идущую мимо витрины Белку.

Под её взглядом Белка едва сдержалась, чтобы не рвануть прочь как можно быстрее. Ушла спокойно, запрещая себе торопиться. Правда, двигалась на автомате, не глядя, не замечая ничего вокруг.

Очнулась, когда стоящая у эскалатора девушка сунула ей в руки рекламный флаер.

От неожиданности Белка выпустила бумажку. Та спланировала под ноги прохожих, пришлось поднимать.

На рекламном флаере раскинула руки кукла без лица. Бумага смялась и испачкалась, совсем немного. Всего два пятна. Там, где у куклы должны были быть глаза.

Показалось, что Белка это уже где-то видела.

Она едва удержалась, чтобы не отшвырнуть рекламу. Вместо этого окончательно смяла глянцевого листочек и донесла до урны.

И пошла домой.

Квартира встретила пустотой.

Белка включила телевизор, не обращая внимания на канал и программу. Что угодно – лишь бы не тишина. Ведущий в пиджаке и галстук что-то монотонно вещал, и этот однообразный фон успокаивал. А вот темнота удручала. Казалось, в окна заглядывают не сумерки, а толща воды, в которой тенями шевелятся водоросли.

Белка зажгла свет во всех комнатах, даже в ванной, прогоняя темноту. Дышать стало легче.

Наверное, ей нужно просто лечь спать. Как в детстве, когда она оставалась дома одна. Прямо так, со светом и телевизором.

Белка упала на кровать поверх покрывала. Но стоило закрыть глаза, как возник образ висящей на веревочке куклы без лица.

И как тут заснешь?

Белка включила компьютер. Медленно словно сомневаясь в том, что делает, ввела в поисковую строчку запрос:

РУССКАЯ ОБРЯДОВАЯ КУКЛА.

Глава 2

Белка раз за разом пересчитывала ровные строчки. Куклы обрядовые, куклы обережные, куклы-помощницы... Много было знакомым – еще год назад Белка интересовалась всем мистическим без исключения, даже ходила в исторический кружок при школе. Учительница была знатоком всяких старинных обрядов.

Белка привычно посмотрела на полку, где должны были стоять книги и толстые тетради, в которые записывала обряды и информацию о всяческой чертовщине... О водяных, кладах, возникающих и исчезающих протоках...

Взгляд наткнулся на подсвечник с церковной свечой и упаковки ароматических палочек. Они помогали прогнать речную вонь, когда та становилась слишком сильной. А записи Белка уничтожила. Книги раздала, а тетради собрала и собственноручно сожгла на пустыре, который уже тогда начинался превращаться в свалку.

В тот день стояла солнечная погода. Ветер играл тетрадными страницами, выхватывал заложенные между ними стикеры и разносил во все стороны.

Почему-то тогда ей показалось, что если ветер сумеет спасти от огня эти разноцветные листочки, то написанное на них оживет, как ожила в Речном старая легенда. И Белка заметалась по пустырю, ловя улетающие бумажки, и успокоилась, лишь когда они растаяли в костре, превратившись в пепел.

А вот страх не растаял. Он затаился где-то в самой глубине сознания, и время от времени шевелился там темным сгустком, так похожим на невесомый клубок скопившейся под диваном пыли.

Вот как сейчас.

Белка быстро, одну за другой закрыла все вкладки. Кнопка мышки клацала чуть резче, чем обычно, наполняя комнату звуками, резкими даже на фоне бубнящего телевизора.

Белка потянулась, отгоняя нехорошие мысли. Какое ей вообще дело до этой проклятой выставки? Завтра рано вставать – родители хоть и уехали, а уроки никто не отменял, а она сидит за компом и ищет что-то совсем ненужное. Не хватало еще в три часа ночи начать выяснять причины распада Австро-венгерской империи.

И все-таки заснуть не получилось. Белка сначала отбросила одеяло, а через несколько минут, замерзнув, закуталась в него почти с головой. Устроившись поудобнее, она начала считать овечек, стараясь представить каждую из них в мельчайших подробностях. Белое облачко тела, черные ножки, плетеный заборчик...

Со счета сбил шорох в углу комнаты. Белка прислушалась. Звук – тихий, шелестящий – повторился, но теперь гораздо ближе. Нужно было открыть глаза и посмотреть, но веки словно налились свинцом. Тело тоже стало тяжелым, не удалось даже повернуть голову.

А потом по кровати кто-то пробежал. Кто-то маленький и очень легкий. Белка почувствовала чей-то пристальный взгляд.

Выяснить, что за ночной гость бегаёт по кровати, расхотелось, а по спине словно холодными пальцами провели. Показалось, что одеяло как живое, спеленало её по рукам и ногам. А еще закончился воздух. Белка хватала его открытым ртом, но дышать было нечем, и биение сердца вскоре отозвалось гулкими ударами в ушах.

Закричать тоже не получалось.

А пальцы прошли сквозь одеяло и теперь ощупывали её лицо.

Лежать вот так, распятой на кровати, беззащитной и даже не видеть врага... Внутренности скрутились в большой ледяной комок. Белку затрясло. И, собрав все силы, она сумела поднять веки.

Одеяла не было. А над ней склонилась какая-то тень. Темное пятно в непроглядном мраке. На месте лица смазанными провалами угадывались глаза, куда более черные, чем наполнившая комнату ночь.

Белка с трудом разлепила спекшиеся губы и почувствовала на языке вкус крови.

– К добру, или к худу? – прохрипела всплывшие в памяти слова.

Тени вокруг ожили. Поднялись из углов, завихрились у самого потолка и ринулись вниз.

Белка закричала. И чудовище отшатнулось, метнувшись прочь темной птицей. Где-то вдалеке раздался звон разбитого стекла. И, словно испугавшись этого звука остальные тени вздрогнули и растаяли в предрассветной мари.

Белка села так резко, что закружилась голова.

В комнате стояла глухая тишина, которую не нарушали даже уличные звуки, и было так холодно, что перехватывало дыхание. Она набрала полную грудь воздуха и выпустила его обратно. Он слетел с губ полупрозрачным облачком, совсем как на морозе.

Сквозняк шевельнул занавеску. Белка сорвалась с кровати и босиком подбежала к окну. Под тяжестью фрамуги стопка книг сдвинулась, и за ночь в комнату пробрался холод. Он мелким инеем осел на подоконнике, прикипел к стеклу крохотными замерзшими водопадами, рассыпался по полу крохотными осколками.

Белка едва не наступила на сверкающий кусочек. Уже занесла ногу и застыла, поняв, что фрамуга сдвинула не только книги, но и опрокинула на пол стеклянную вазочку, теперь прозрачные осколки лежали вперемишку с каплями быстро тающей изморози.

Белка сходила за веником. Прошлась им возле окна, потом, подумав, подмела еще раз, теперь уже всю комнату. Сгребла мусор в совок и потянулась закрыть, наконец, окно. Под рукой, которой она оперлась о подоконник, что-то хрустнуло, и Белка вскрикнула – в подушечку указательного пальца впился незамеченный кусочек стекла.

Вытащив его, Белка сунула палец в рот – обработать ранку можно и позже, сперва надо закрыть, наконец, окно, пока комната окончательно не превратилась в морозильник.

К стеклу снаружи прилипло птичье перо. Белка, высунулась в окно – если не убрать все сейчас, то любоваться на примерзший мусор придется до самой оттепели.

Отковыряв перо, она передумала его выкидывать. И даже включила настольную лампу, чтобы получше рассмотреть находку: бледно-коричневое, с четкими поперечными полосками, перышко принадлежало кому угодно, только не голубю. А еще точно такое же днем воткнулось ей в ногу.

Белка повертела находку между пальцами. Про порез она совсем забыла и, когда кончик стержня впился в ранку, вскрикнула от боли. Перо упало на стол, испачкав его кровью.

Теперь Белка обработала порез как следует, даже заклеила пластырем телесного цвета. Найти его оказалось непростой задачей – в аптечке лежал целый ворох других, ярких, с задорными мультяшками. Но теперь Белка предпочитала что-то попроще, что-то, что не так привлекает внимание.

Это перо она не выкинула. Интересно стало, что за полосатая птица летает по городу зимней ночью. Но не настолько, чтобы включать компьютер.

Белка потянулась, да так и застыла с поднятыми над головой руками.

Откуда рассвет? Она точно помнила, что когда высунулась за пером, небо было уже довольно светлым.

Но сейчас за окном стояла густая темнота, а стекло превратилось в бледное зеркало. Белка отчетливо видела и кусочек шкафа, и кровать, и себя – взъерошенную птицу в разоренном гнезде из подушки и одеяла.

Отражение напугало. Было в нем что-то жутко-потустороннее. Белка на всякий случай принялась, но бушевавший полночи сквозняк выдул все ароматы. Сейчас в комнате пахло свежестью и морозом.

Белка сорвалась с кровати и чуть не упала, запутавшись в одеяле. Зажмурившись, чтобы не видеть отражения, задернула шторы, так резко, что даже порвала пару петель, на которых они держались. И снова нырнула в постель, оставив свет включенным.

Сон был поверхностным и больше напоминал легкую дрему. Так что Белка даже обрадовалась, когда лежащий на столе смартфон разразился задорной мелодией. Но, поняв, кто звонит, она долго не решалась ответить.

Наконец, провела по экрану и пошептала:

– Что-то случилось?

– Да вроде ничего, – в голосе мамы слышалось удивление, которое тут же сменилось тревогой: – У тебя там все хорошо?

– Да, – выдохнула Белка и упала обратно на подушку. – Мам, ну зачем так пугать? Что за ночные звонки?

– Оля, уже без пяти семь! – в голосе мамы послышались строгие нотки. – Опять всю ночь за компьютером сидела?

– Как семь? – Белка проигнорировала вторую часть фразы, посмотрела на экран и возмутилась. – Мама! Ну у меня было еще целых десять минут сна! Теперь придется добирать на уроках.

– Я тебе «доберу», – проворчала мама. – Только попробуй на двойки скатиться! Я тебе...

Белка прикрыла глаза, гадая, закончится ли лекция до звонка будильника. Но в любом случае надо было вылезать из теплой кровати и собираться в школу.

Белка спустила ноги на пол и посмотрела в окно. На стеклах искрилась морозная паутина, белоснежное кружево на темном фоне...

Сердце пропустило удар. Она точно помнила, как задернула шторы. И как порвала петли...

Они оказались целыми. Белка даже подергала занавески, ожидая, что незакрепленная ткань просто соскользнет с крючков. Но она держалась намертво.

А за шторами, на подоконнике стояла ваза. Та самая, осколок которой воткнулся в палец.

Но на нем не было ни царапины. Белка стояла и смотрела на свою руку, бессильно уронив другую, в которой был зажат смартфон.

– Оля! Оля, ты меня слышишь? – донеслось из трубки.

Белка очнулась и затараторила:

– Да, мам. Извини. Я тут просто в школу собираюсь, мне пора. Пока-пока, папе и бабушке привет, всех целую!

Отключившись, Белка раскинула руки и закружилась по комнате:

– Это сон, – пропела она. – Всего лишь сон! Просто окно сломалось, – она подвинула книги поближе к фрамуге, – а на улице еще зима, мороз... холодно! Поэтому и иней!

Она разговаривала сама с собой, звуки собственного голоса успокаивали, прогоняя остатки кошмара, и вскоре он превратился в смутное воспоминание из разряда «снилась какая-то гадость».

Успокоившись, Белка выключила надрывавшийся будильник и стала заправлять кровать. Под ногой что-то хрустнуло. На полу лежало полосатое перо. То самое.

– Нет, – одними губами прошептала Белка. – Не может быть! Это был сон! Она не верила, но доказательство – вот оно. Был еще один способ проверить, и Белка кинулась на кухню. Подскочила к холодильнику и рывком открыла дверцу. Втянула носом воздух и быстро обнюхала продукты: сыр, колбасу, оставшиеся в кастрюльке котлеты...

– Свежее. Все – свежее. Ничего не испортилось, – бормотала скороговоркой. – Значит, это действительно был всего лишь сон. А перо... ну, залетело.

Когда в руке зазвонил смартфон, Белка уставилась на него непонимающим взглядом. А потом медленно отключила повтор будильника. И это простое движение словно вернуло её

к жизни. Положив смартфон на стол, она рассмеялась. Громко, нарочито, прогоняя остатки кошмара:

– Вот я дура! Уже путаю сон и реальность. Точно в дом ля-ля загребут.

Но, даже успокоившись, она долго не решалась поднять взгляд на висящее в ванной зеркало.

В школу Белка чуть не опоздала. Мчалась по коридору, подгоняемая дребезжанием загоняющего на уроки звонка, а в голове билась только одна мысль: нужно успеть раньше Шпалы.

У самой двери она столкнулась с Ильей. Буквально. Потому что Ремизов тоже не смотрел по сторонам. От неожиданности Белка уронила сумку, застежка не выдержала и вывалившиеся тетради разлетелись по полу.

– Растяпа, – ухмыльнулся Илья и наклонился, чтобы помочь. – Давай быстрее, пока Шпала задерживается.

Учительская была сразу возле лестницы. Белке показалось, она расслышала уверенные шаги и, схватив в охапку сумку и тетради, ввалилась в помещение. Илья заскочил следом и захлопнул дверь.

В классе на мгновение стало тихо. Но стоило ребятам понять, что вошла не учительница, как все вернулись к своим делам: кто-то болтал, кто-то лихорадочно пытался запомнить хоть что-то из учебника, потому что дома его даже не открывал, кто-то глазел в окно. И только Людка сидела одна на своем месте и спокойно ждала.

Она первая увидела, как открывается дверь, и первая вскочила со стула.

В класс вошла учительница. Она шла, не глядя по сторонам, и, казалось, вместо позвоночника у неё стальной прут.

В вязкой тишине звуки шагов прозвучали набатом. Не обращая внимания на застывших учеников, Шпала спокойно дошла до своего стола, аккуратно положила на него классный журнал, несколько тетрадей и футляр от очков, после чего оглянулась на доску. На зеленом фоне виднелось несколько штрихов от плохо стертой надписи.

– Кто дежурный? – спросила тихо, но стены словно отразили звуки голоса, и подростки вздрогнули.

– Гарина, – ту же отозвалась Людка.

Белка втянула голову в плечи: она совсем забыла! И как назло, первым оказался урок литературы.

– Значит, мы все подождем Гарину...

Учитель недоговорила, а Белка уже метнулась сперва к доске – за тряпкой, потом – из класса, в туалет. Там, разбрызгивая мутную от мела воду, она как следует выполоскала тряпку. И отжала – если на доске останется хоть один потек, Шпала заставит переделывать.

– Вредина, – тихо ругалась Белка. – Все же стерто, чего ей еще надо? Как будто мы её крепостные...

Она закрутила вентиль, но вода продолжала литься.

– Резьбу, что ли, сорвало?

Это означало, что надо найти техничку и доложить о поломке. Но сейчас шел урок, и Белку ждали в классе. Малейшая задержка чревата выговором, двойкой, а то и вызовом родителей в школу.

Она осторожно выглянула в коридор. Пусто. Может, не заметят?

За спиной задребезжало стекло. Белка вздрогнула и резко развернулась на пятках. Какая-то крупная птица мельтешила перед окрашенным белой краской окном, задевая его крыльями.

– Бешеная... – пробурчала Белка и снова вздрогнула, потому что в трубах что-то зашипело, запищало, и помещение заполнил утробный вой.

Она рванула по коридору, забыв про тряпку. Вспомнила только у двери в класс.

Пришлось возвращаться.

У входа в туалет Белка остановилась и прислушалась. Тишина.

Воображение тут же нарисовало сидящее в засаде чудовище, и Белка сглотнула, стараясь прогнать подступившую тошноту.

Идти в туалет очень не хотелось. Но тогда пришлось бы прогулять урок.

Она бы так и сделала, но перед глазами встала застывшая у доски Шпала, с ровной спиной и холодным взглядом. И стоящие у своих парт одноклассники – урок не начнется, пока доска грязная.

Судорожно вздохнув, Белка приоткрыла дверь.

За ней никого не было. И дурное пернатое куда-то делось, наверное, улетело по своим птичьим делам. Схватив лежащую на краю раковины тряпку, Белка выскочила из туалета и только в коридоре поняла, что все это время не дышала.

Шпала все так же стояла возле доски, только уже без журнала. Вместо него, у неё в руках была указка, которой она методично постукивала по ладони. Она строго взглянула на запыхавшуюся Белку и поинтересовалась:

– Гарина, вы пешком до Волги ходили? Польшью искали? Надеюсь, нашли? Тогда вытирайте доску, иначе этот урок будет на вашей совести, как и последующая контрольная.

Белка виновато оглянулась на так и стоящих возле парт одноклассников и поспешно вытерла разводы.

– Хорошо, – одобрила Шпала и разрешила: – Можете садиться.

После чего открыла журнал. Кончик остро отточенного карандаша заскользил по странице.

Стало так тихо, что слышно было, как гудят под потолком люминесцентные лампы. Ученики вжимались в парты, стараясь стать как можно незаметнее.

Людка сидела недалеко от Белки. И словно копировал учительницу: прямая спина, поджатые губы, взгляд на доску, как будто там написано что-то интересное. Сама Белка предпочитала смотреть в окно, благо сидела рядом с ним.

И едва успела пригнуться, когда заметила какое-то движение.

Её окатило градом мелких осколков, а на парту, прямо на тетрадь, упала сорока. Белые перья заливала кровь.

Белка завизжала и вскочила, опрокинув стул. А птица несколько раз дернулась и затихла, вывернув голову и уставившись на девушку круглым глазом.

– Гарина, успокойся, – Шпала как-то очень быстро преодолела расстояние от своего стола до окна. – Ты не ранена? Что у тебя с руками? – от волнения она даже перестала выкать.

Белка всхлипнула: пальцы слипались от застывающей крови.

– Быстро в медкабинет! – Шпала оглядела класс, и в этот раз не из-за нарушения дисциплины. Цепкий взгляд остановился на Илье: – Ремизов! Отведите Гарину к медсестре. Остальные – быстро собираемся и без паники выходим в коридор. Больше никто не ранен?

Белку вели – она шла. Велели сесть – упала на застеленную белой пеленкой кушетку. Она смотрела на свои руки, но видела только круглый глаз, который быстро мутнел, словно изнутри его покрывала изморозь. И – как отражение в зеркале – ухмылку Лизоблюдки.

– Эй, смотрим сюда! Смотрим, я сказала!

В нос ударила вонь, и Белка задохнулась. А потом увидела, как медсестра убирает ампулу с нашатырем.

– Очнулась? Вот и умница, – мокрая вата прошлась по вискам, глаза сразу заслезились.

Белка отвернулась.

– Не двигайся, – медсестра придвинула сверкающий лоток поближе и полила на руки перекисью. Она вспенилась и зашипела.

– Не больно?

Белка покачала головой.

– И не щиплет? – медсестра осторожно сняла грязь и кровь салфеткой. – Надо же, ни царапины. Иди умойся. Сможешь?

Белка рассеянно кивнула, и медсестра подвела её к раковине. Приторно-розовый кусочек мыла намок и все время выскальзывал из непослушных пальцев.

– Не торопись. У тебя есть аллергия на препараты?

– Нет, – Белка очень старалась не смотреть в висевшее над раковиной зеркало. Кажется, оттуда, проламывая стеклянную корочку, вывалится птица и затрепыхается, разбрызгивая кровь по белым стенам.

– Держи, – в руках оказалась мензурка с чем-то вонючим. – Залпом!

Когда Белка выпила, медсестра померила ей давление и повернулась к мнущемуся у двери Ремизову:

– Чего стоишь? Или на урок. Учительнице скажи, что я отпустила Гарину домой, вот только родителям позвоню, сообщу...

– Мама на работе. И папа тоже, – Белка сообщила, что не стоит говорить, что родители уехали. – И я лучше на урок пойду, у меня уже все прошло...

– Я вижу, как прошло, – вздохнула медсестра. – Может, скорую?

– Не надо. Я на уроки пойду, – упрямо повторила Белка и встала.

Стены покосились, пол вздыбился, но она удержалась на ногах. И даже спокойно прошла мимо разочарованного Ильи.

– Если будет плохо, сразу ко мне, – велела медсестра.

– Я прослежу, – кивнул Ремизов и побежал следом. Его не оставляла надежда уйти с уроков так, чтобы за это ничего не было.

– Я бы тоже испугался, – хмыкнул он, догнав Белку. – Это с какой же силой она летела, чтобы пробить двойной стеклопакет?

Белка остановилась и резко повернулась к однокласснику:

– Физику учил? А математику? Вот и посчитай! И отстань от меня, наконец!

Она быстро пошла по коридору, оставив растерянного Илью позади.

В кабинете техничка и трудовик затягивали разбитое окно пленкой. Сороку уже убрали, о ней напоминали только бурые пятна.

– Ваши в триста третьем, – заметила её техничка. – Твою сумку тоже туда забрали.

Триста третий был кабинетом истории. Его «хозяйка» увлекалась этнологией славян, особенно обрядами, и в шкафах лежали материалы по этой теме. В том числе и обрядовые куклы. Иногда, когда историчка не видела, ученики вытаскивали их, чтобы повеселиться.

Когда Белка открыл дверь, Шпала прервала урок.

– Гарина, с тобой все в порядке? – строго спросила она. – Родителям позвонили? И где Ремизов?

– Тут я, – Илья валился в класс, но ту же подтянулся и аккуратно закрыл дверь. – Медсестра велела наблюдать, и если что не так – вести к ней. Оль, подтверди!

– Верно, – пробормотала Белка. Усталость вдруг накатила ватной волной, хотелось рухнуть в уголок и чтобы никто не трогал.

– Тогда садитесь и не шумите. Сегодня мы ничего не успели, так что новый материал пройдете самостоятельно. А если кому не нравится, могу предложить мини-контрольную.

Недовольный гул стих под её взглядом. Возразил только Ремизов:

– Не успеете! Скоро звонок!

– Все так думают? – учитель встала и медленно прошла между партами. Людка торжествующе оглядела класс. Белка вздохнула: ну вот что ей не живется спокойно? Глядишь, и относились бы получше. Так нет же... Она еще раз вздохнула и отвернулась, скользнув взглядом по одной из кукол.

Она сидела за стеклом, чуть склонив голову – то ли под нажимом верхней полки, то ли потому, что её криво сшили. Лишенное глаз и рта лицо белело в полумраке шкафа.

Ирина Стефановна сделала её прямо на уроке, объясняя какую-то узкую тему, поэтому Белка не боялась: новые куклы не принимали участия в древних, «правильных» обрядах и были безопасны.

Но эта вдруг открыла глаза и моргнула.

Белка застыла, не понимая, чудится ей это, или кукла действительно ожила. В ушах загрохотало заколотился пульс.

– Гарина, тебе плохо? – строгий, хорошо поставленный голос заставил очнуться.

Рядом стояла Шпала.

– Тебе плохо? – повторила она вопрос.

– Нет, все хорошо, – выдавила Белка. Не признаваться же, что испугалась какой-то куклы.

А та снова моргнула. Но в этот раз Белка поняла, что это учительница встала так, что её лицо оказалось напротив полки, и глаза отразились в стеклянной дверце шкафа.

– Иди-ка ты домой. Я предупрежу Ирину Стефановну, что тебе нездоровится. Ремизов, – велела безапелляционно, – проводи Ольгу. Доведи до квартиры, ты понял?

– Понял, Ксения Ивановна, – довольный Ремизов подхватил свою и Белкину сумку. – До самой двери доведу. И прослежу, чтобы она зашла домой.

В коридоре Белка отобрала свою сумку:

– Сама дойду, не маленькая.

– Сдалась ты мне, – хмыкнул Илья. – Просто уже хочу на свободу! Так что выходим вместе, а потом...

Белка недослушала. Она смотрела в окно. Вернее, на стекло, в котором отражался школьный коридор и белые двери кабинетов.

– Эй, ты чего? – встревоженный Илья слегка встряхнула застывшую одноклассницу.

Белка повернулась к нему и тихо спросила:

– Как думаешь, если не всматриваться в Бездну, есть шанс, что она тебя не заметит?

Илья сделал большие глаза и отодвинулся. Но Белке было уже не до него. Она размышляла о тварях из Бездны, которые невидимо живут среди людей, и почти врезалась в Ирину Стефановну.

– Это куда это вы?

Белка непонимающе уставилась на учительницу. Она не услышала вопроса, хорошо, что Илья помог:

– Ирина Стефановна, у неё голова закружилась, в медкабинете велели отвести её домой.

Вот, – он кивнул на одноклассницу, – веду. – и торопливо добавил: – Можете спросить у Ксении Ивановны!

Историчка недоверчиво посмотрела сперва на него, потом на Белку. И махнула рукой:

– Действительно выглядишь бледной. Надеюсь, ничего серьезного. Ступайте. Хотя подождите. Завтра после уроков не уходите – вы всем классом идете в музей. Оля, если будешь себя плохо чувствовать, принеси записку о родителях. А тебе, – повернулась она к Илье, – быть обязательно!

– Это несправедливо! – взвыл Ремизов. – А можно, я тоже заболел?

– Нельзя! – отрезала Ирина Стефановна. – К тому же ради прогула. Учти, всем, кто сбежит, я снижу четвертную оценку. Мне было нелегко выбить бесплатную экскурсию для нашего кружка, и прогулов я не потерплю!

– Вот и шли бы эти... этнографисты. Нас-то зачем тащить? – бурчал Илья, натягивая куртку. Шапку он спрятал в карман, как и перчатки. – Ну что, Оль, давай свою сумку, провожу тебя, как и обещал. Эх, повезло же тебе! Попросишь у предков записку, и можешь дома сидеть. А вот мне... – он горестно махнул рукой.

– Не расстраивайся, мне тоже записку не дадут. Скажут, что поход в музей пойдет мне только на пользу. Так что... Давай сумку, до дома я сама доберусь. Не маленькая.

И она пошла, не видя, с каким удивлением смотрел ей вслед Илья, не думая, куда идет – за много лет маршрут она изучила до состояния автопилота.

Глава 3

Мама позвонила, когда Белка подошла к дому.

– Привет, как ты там? В школу не опоздала? Ты обедала? Надеюсь, не пиццей и чипсами?

Она засыпала вопросами, так что Белка едва сумела ответить:

– Мам, я только из школы. Сейчас приду и что-нибудь приготовлю.

– Там котлетки в морозилке. Пожарь, чтобы и на ужин хватило.

Белка остановилась посреди тротуара: в голосе мамы было что-то странное. Она словно виноватилась, или не говорила всю правду.

– Мам, у тебя все в порядке?

– Да-да, все хорошо. Врачи дают неплохой прогноз, – зачастила та, но чем больше она старалась успокоить дочь, тем сильнее та пугалась.

– Так, я уже не маленькая. Что случилось?

В трубке повисло молчание. Слышалось только дыхание, а потом мама виновато сообщила:

– Оля, мы тут с папой подумали... Мы Светочку к нам заберем. Она совсем одна осталась, бабушка не сможет и за больными ухаживать, и за ней приглядывать. А Светочке тоже нужна реабилитация у психолога.

Белка поджала губы: «Светочка». Как только заходил разговор о дочери сестры, использовались исключительно ласкательно-уменьшительные имена. Прямо «сын маминой подруги» женского пола.

Племянницу мама просто обожала, хотя, по мнению Белки, Светка была еще той вредной. Капризной самовлюбленной эгоисткой. Но умной – этого никто не мог отрицать.

– Оля? Что ты об этом думаешь?

Белка уже набрала в грудь побольше воздуха, чтобы высказать свое мнение, но осеклась: а чем тогда она от Светки отличается? В конце концов, у сестры горе, она в любой момент может остаться сиротой. А ведь они родственники, кто еще поможет?

– Да забирайте, – выдохнула в трубку.

– Вот и хорошо. Оля, тогда папа со Светочкой первыми приедут, а я пока задержусь. Справишься?

– Да куда я денусь? – нарочито – жизнерадостно отозвалась Белка, не хватало, чтобы мама еще и из-за неё переживала. – Все, я дома.

– Хорошо, тогда поешь, как следует. Я тебя люблю, – из трубки послышался звук поцелуя и мама отключилась.

Белка какое-то время смотрела на погасший экран. На глаза навернулись слезы: она так соскучилась! И так много хотела рассказать! А мама даже не догадалась сделать видеозвонок. Ну ничего, вечером она сама ей наберет. Через мессенджер. Наговорятся всласть!

Входная дверь не поддавалась. Её словно кто-то держал изнутри. Белка налегла всем телом и почти ввалилась в квартиру. Дверь захлопнулась с оглушительным грохотом, и сквозняк погнал по полу клубки пыли.

– Опять, что ли, окно? – спросила Белка вслух, но голос сорвался на тоненький писк.

Разозлившись на себя, она, не разуваясь, промчалась по коридору и распахнула дверь в свою комнату.

Книги лежали на полу, а под открытой створкой застыла лужица подтаявшего, а потом превратившегося в лед снега.

– Да сколько можно-то? – Белка с грохотом закрыла окно и пошла на кухню. Там, под мойкой, она выпотрошила неиссякаемый пакет с пакетами, а в коридоре достала из папиной

ремонтной коробки скотч. И, не раздеваясь, стала склеивать целлофановые квадраты между собой. А потом потащила все это к себе в комнату.

Там, скинув пуховик и ботинки, вскарабкалась на узкий подоконник и принялась крепить к раме импровизированный утеплитель.

– Вот так. Главное, продержаться до приезда папы. Он все починит.

С этими совами Белка прыгнула на пол. А потом оглядела комнату.

Книги на полу – понятно, фрамугой сбило. А почему покосилась фотография на стене? Та, на которой хохочущая Белка обнимает разом и маму и папу. Её сделал уличный фотограф, они тогда, вместо того, чтобы чинно позировать, дурачились изо всех сил.

Белка попыталась повесить снимок ровно. Но что-то мешало. Она сняла фото со стены и перевернула, чтобы узнать причину.

На пол спланировало пестрое перо.

Такое же, как и до этого.

И как оно сюда попало? Может быть, в комнату в поисках тепла и еды залетела птица? Тогда понятно, почему фотография сбилась – птаха испугалась и заметалась по комнате, стараясь вырваться на свободу.

– Бедолажка... Кормушку бы тебе... Но из чего её сделать?

На кухне нашлась большая пластиковая бутылка. Белка прорезала в ней отверстия и насыпала внутрь семечек. Хотела уже повесить кормушку, но остановилась, уткнувшись взглядом в затянутое полиэтиленом окно.

– Приехали...

Но ведь можно приладить её на кухне. Белка пару секунд полюбовалась творением своих рук и полезла в холодильник: о птичках позаботилась, теперь можно было и самой перекусить.

Готовить что-то серьезное не хотелось и она быстренько сварила пельмени, после чего, пользуясь свободой, умяла их, сидя перед компьютером.

И все-таки что-то было не так.

Белка несколько раз поймала себя на том, что прислушивается, а потом поняла, что ждет, когда мама начнет ругаться за беспорядок.

Но тишину в квартире тревожили только компьютерные звуки.

К горлу подкатил ком. Белка достала смартфон, но мама была не в сети. А на обычный звонок пустой голос равнодушно сообщил, что «абонент недоступен».

Папа тоже не отозвался. Как и бабушка.

Белка отбросила смартфон и заметалась по комнате. В голове завертелись нехорошие мысли, и когда эта карусель стала совсем уж неуправляемой, она резко остановилась и как учила психолог, обняла себя за плечи:

– Спокойно. Все хорошо. Там просто очень плохая связь. Или в реанимации запрещено пользоваться телефонами...

– Забвение – это как агония. Тебя не помнят, а ты есть, но доказать не можешь, – донеслось из динамиков: молодежную комедию прервала реклама какого-то триллера.

Белка застонала и, не заботясь о «мозгах» компьютера, выдернула провод из розетки. И, крутанувшись на пятках, кинулась в родительскую спальню.

Там все было, как прежде. Даже брошенный на спинку стула мамин халат еще хранил её тепло.

Белка свернулась клубочком на кровати и всхлипнула, прижав к лицу мягкую ткань. Она впитывала слезы, но их было так много, что вскоре понадобился еще и платок. Белка приподнялась на кровати и схватилась за грудь, потому что дышать стало нечем.

В комнате шел снег. Он падал на лицо и тут же таял, стекая по щекам холодными струйками.

По спине пробежал липкий ручеек страха.

Чтобы очнуться, Белка ущипнула себя за руку. Сильно, до синяка.

Боль вернула способность думать.

Где она? Не во сне, это точно, во сне не бывает больно.

Белка огляделась.

Она сидела в сугробе. Мамин халат растаял, вместо него пальцы сжимали ворох прошлогодней травы, мокрой от растаявшего снега.

Он был всюду, куда ни посмотри. И только вдалеке виднелась серая полоса деревьев.

Сидеть на месте не было никакого смысла. Так и замерзнуть можно!

Белка встала, подышала на озябшие ладони и быстро, чтобы согреться, пошла к лесу – деревья укроют от ветра, а, может, получится развести костер. Как именно она не задумывалась, сейчас главным было выжить.

Снег сбивался в сугробы, ноги увязали в них почти по колено. Зато движение согревало, правда, отнимало много сил, и белка все чаще останавливалась, чтобы проверить, туда ли она идет.

Деревья не приближались.

– Что за чертовщина? – пробормотала Белка. – Что вообще происходит?

Губы онемели и не слушались. Вместо слов послышалось невнятное мычание, и Белка вздрогнула. А потом закашляла, хрипло, с надрывом.

Хриплые звуки разбили пространство. Оно взорвалось миллиардами льдинок, и Белка оказалась среди деревьев.

Здесь было гораздо теплее. Сгнившие прошлогодние листья скрадывали звуки, но при каждом шаге слышалось отчетливое хлюпанье – это лесная подстилка отдавала скопившуюся в ней воду.

Снега здесь почти не было, он сохранился только в ямках и возле стволов и был очень белым, почти светился. Слишком ярко – так не бывает. Весной снег ноздреватый, тяжелый и серый, а не мягкий и пушистый, как здесь.

Деревья стояли голые, их ветви переплетались, образуя на фоне затянутого облаками неба жутковатого вида решетку. Белка поежилась и обхватила себя за плечи руками, поискав тропинку взглядом. Ничего. Только бурая опавшая листва, ветки да ошметки снега.

На одном из них что-то алело.

Белка подошла ближе.

По белому бугорку раскатились ярко-красные бусины. Но стоило взять одну в руки, как она растаяла крашеной ледышкой и скатилась с ладони, оставив в снегу бурую дыру.

В запах талой воды вплеся другой – душный, густой, железистый. Белка перевела взгляда на ладонь. От бусины остался липкий бурый след.

Она попробовала стереть его снегом. Он обжег холодом кожу, расцарапал крошечными льдинками и рассыпался мелкой крупкой. Рука покраснела и горела так, словно её держали в огне. Но пятно не исчезло.

Снег под деревом закончился, Белка оглянулась в поисках следующего и застыла, уловив тихий, на грани слышимости звук. Показалось, эхо донесло чей-то зов, но его заглушил хруст быстрых шагов по снегу. Кто-то положил на плечо руку прежде, чем Белка успела оглянуться.

Холод – хотя, казалось, куда уж холоднее – пронзил тысячами морозных иголок. Они впивались в кожу и мышцы, сковывая их ледяными оковами. Легкие превратились в стекло, осколки которого хрустели при каждом вдохе и вскоре добрались до самого сердца. Белка захрипела и потеряла сознание.

Но от холода это не спасло. Он морозил лицо, обнимал за плечи, и тело тряслось так, что ортопедический матрас скрипел, словно все пружины в нем разом заржавели.

Матрас?

Белка открыла глаза и вскочила.

Родительская спальня была на месте, а в приоткрытую дверь тянуло холодом – по квартире снова гулял сквозняк.

Укутавшись в покрывало, Белка пошла на разведку, почти готовая увидеть, что целлофан на окне порван.

Но он оказался цел. И стопка книг все так же лежала на подоконнике, не сдвинувшись даже на сантиметр.

В большой комнате тоже не было ничего необычного. А вот кухонное окно оказалось распахнуто настежь. Белка быстро его закрыла, оборвав поток сквозняка – похоже, она не до упора повернула ручку, когда вешала кормушку.

Под ногами захлюпало, потом стало мокро. Белка посмотрела вниз.

На полу быстро таял иней. На нем виднелись четкие следы: её и... птички?

Их Белка рассмотреть не успела: иней превратился в тонкий туманный дымок, который осел на окне влажной испариной. Белка стерла её ладонью. Вода была ледяная и показалось, холод вернулся и впитался в позвоночник. А за спиной, в коридоре, послышался какой-то шорох.

Белка громко сглотнула, прогоняя тошноту. Досчитала до десяти. Потом до двадцати, словно это могло её спасти. А потом подумала, что стоять вот так, спиной к опасности очень глупо. И медленно повернулась, борясь с желанием зажмуриться и прокричать, как в детстве: «Я в домике!». Тогда это срабатывало.

Но она уже не была трехлетним ребенком.

Сквозь открытую кухонную дверь виднелся залитый светом электрических ламп коридор.

Белка вслушивалась, пока не зазвенело в ушах, но шорох не повторился. В квартире не было вообще никаких звуков, кроме прорывающегося снаружи завывания метели. Ветер сбивал снежинки в пухлые комки и кидал в окна. Они прилеплялись к стеклам и сползали, оседая на отливе сугробом.

Услышав очередной «плюх» Белка отмерла и выбежала из кухни. Шлепки повторялись, и вскоре стало казаться, что по коридору хромает кто-то большой, неуклюжий, но очень упрямый.

Залетев в свою комнату, Белка закрыла дверь и привалилась к ней спиной, словно эта преграда могла спасти от опасности.

Очередной снежок показал, что это не так. А от шороха целлофана по спине пробежал холодок.

Белка сползла по двери на пол. Сжалась в комок и заскулила от ужаса. А потом выдохнув, как перед погружением в воду, резким рывком добралась до стола, на котором лежал смартфон.

Руки дрожали, и правильно начертить графический код не получалось. Наконец, уже почти теряя сознание от ужаса, ничего не видя и не слыша, Белка судорожно провела кривую линию, и на экране засияла солнечно-желтая заставка.

Размазывая по лицу слезы, Белка искала нужный контакт, а потом резко ударила пальцем по зеленому кружочку с трубкой. Послышались гудки.

Длинные, тягучие, они заполнили пространство и даже заглушили вой ветра. И шуршание целлофана тоже заглушили. Белка сосредоточилась на них, и ужас немного стих. Настолько, что она осмелилась подойти к окну и задернуть шторы.

Гудки прервались.

«Вызываемый абонент не отвечает» – холодно произнес женский голос.

Белка растерянно посмотрела на зажатый в руке смартфон. Часы на экране показывали двадцать минут первого. Наверное, мама очень занята. Или заснула, вымотанная больничным дежурством.

Звонить папе Белка не стала. Вместо этого она взяла с полки спрессованную из трав пирамидку и подожгла её. Вершина покрылась алым бисером крохотных угольков, которые почти тут же погасли, сменившись полупрозрачным ручейком ароматного дыма. Вскоре в комнате запахло травами.

Белка опустила на пол и обняла себя за плечи руками. Вдох, длинный выдох, снова вдох... Она делала дыхательную гимнастику, и вскоре страх почти испарился. Не весь, но теперь можно было мыслить более-менее внятно.

Объяснения происходящему нашлись без труда.

Метель? МЧС еще утром прислала сообщение о непогоде. Кормушка? Белка была не уверена, что хорошо затянула узелок, вот ветер и сорвал бутылку. Открытое окно? Так она в последнее время словно разучилась их закрывать, уже в который раз забывает проконтролировать, повернула ли ручку до упора. Иней? Хорошо, не сугробы, при открытой-то фрамуге.

А птичьи следы – всего лишь отголосок сна. Померещилось. Так бывает.

Белка изо всех сил гнала от себя даже малейшие подозрения о том, что потустороннее – рядом. Оно могло быть в Речном, где-то далеко, в старой деревне, но не здесь, не дома...

Когда пирамидка дотлела до половины, Белка поняла, что успокоилась.

И вспомнила про уроки.

Делать их уже смысла не было. Прикинув, у кого можно на перемене скатать домашку, Белка достала школьную сумку, чтобы собрать её на завтра.

В нос ударил запах крови.

Одна из тетрадей была испачкана бурым. Белка отогнала от себя воспоминания про трепыхающуюся птицу и, взяв тетрадь двумя пальцами, понесла на кухню, в мусорное ведро. После чего завязала пакет и потащила его к мусоропроводу.

Простые бытовые заботы успокаивали, и остальные тетрадки Белка небрежно кинула на стол. Они соскользнули, распластав страницы, и из одной выпал рекламный флаер. С помятого бумажного глянца на Белку смотрела кукла с грязными пятнами на месте лица.

Глава 4

Белка смяла его в кулаке. Острый край царапнул палец, оставив небольшой порез. На коже выступило несколько капель крови, которые тут же засохли, превратившись в крохотные коричневые крупички.

Белка не обратила на это внимания. Она нашла подставку для благовоний, но та оказалась слишком маленькой. Пришлось идти на кухню, за большой чугунной сковородкой.

Плотная бумага долго не загоралась, но Белка упрямо жгла спичку за спичкой. Наконец, робкий огонек зацепился за торчащий уголок и расплылся по острому краю. Флаер сморщился и зашевелился в пламени, отбрасывая на стену бесформенную тень, но все же распался белым пеплом. Недолго думая, Белка смыла его в канализацию.

Вместе с рекламкой исчезли остатки страха.

Начисто вымыв сковородку и собрав сумку, Белка улеглась в кровать. Правда, свет она оставила включенным. Просто так. На всякий случай.

Комната тут же наполнилась звуками. Кто-то вздыхал, шептал, возился. Но стоило открыть глаза, как все утихло. Белке с трудом убедила себя, что все это – обычные домашние звуки: шорох целлофана, бульканье воды в трубах, свист ветра за окном...

Но заснуть все равно не получилось. Подушка казалась то раскаленной, то слишком жесткой, а стоило найти удобное положение, как матрац тут же вздувался буграми. Белка даже подумала, что надо было идти ночевать к тете Наташе. Мама же договорилась!

Проворочавшись всю ночь, Белка обрадовалась звонку будильника и быстро встала, даже не повалявшись, как обычно, лишние пять минут.

Голова гудела и казалась заполненной пылью. Тело болело, мышцы ныли так, словно Белка всю ночь сдавала зачет по физкультуре. Мелькнула трусливая мыслишка прогулять школу, а заодно и поход в музей, но это было чревато неудом за четверть – Ирина Стефановна могла сдержать слово, ведь дело касалось её любимой этники.

Мама позвонила, когда Белка пыталась впихнуть в себя горячий бутерброд с сыром.

– У тебя все хорошо?

– Вроде да, – Белка не собиралась волновать её, рассказывая о своих страхах. Но все-таки попросила: – Мам, а ты не можешь договориться с Викторией Ивановной о приеме?

– Опять задыхаешься? – посочувствовала мама. – До моего приезда дотерпишь?

– Конечно, – вздохнула Белка. Мама после сеанса обязательно разговаривала с психологом, чтобы знать, что поменялась и как вести себя с дочерью. – Не беспокойся, я так, на всякий случай попросила. А ты скоро приедешь?

– Соскучилась? Прости, Оля, придется еще потерпеть. Ты пока там возьми шефство над Светланой, ей сейчас тяжело...

В разговор ворвался третий голос. Белка не сразу поняла, что это Света, так исказила его связь.

Сестра звала тетю и требовала что-то сделать, четко послышалось: «Вы же обещали!».

– Ну все, Оля, мне пора. Созвонимся! – мама чмокнула воздух и отключилась.

Белка поджала губы. К Светочке побежала. Как всегда, стоило той сделать несчастное лицо, как все взрослые кидались на её защиту. Всегда. Даже когда они таскали яблоки из соседского сада. И попались.

О том, что зачинщицей была именно Света, Белка никому не сказала. Терпеть не могла ябедничать. И надеялась, что у сестры совесть разыграет.

Зря надеялась. И потом долго отмачивала в речке покрытые пузырями ноги за то, что потащила «на дело» пай-девочку. Уж чего-чего, а крапивы бабушка никогда не жалела.

Но сейчас именно Свете было труднее всего. Белка даже представлять боялась, чтобы сделала на её месте. Поэтому отругала себя за подленькие мыслишки и выглянула в окно посмотреть, не утихомирилась ли метель. Если нет, то появлялся отличный шанс прогулять хотя бы музей. Заносы, пурга, все такое...

Но в синем небе ослепительно сияло солнце. И даже немного грело – Белка почувствовала на лице тепло.

Сугробы за утро осели, а протоптанные в снегу тропинки превратились в покрытый водяной пленкой каток. Белка с трудом удержалась на ногах, когда перебиралась через оставленный трактором грязно-бурый отвал.

В школе ничего не проходило, о вчерашнем никто не вспомнил. Единственное, что уроки пролетели неожиданно быстро.

К последнему Белка умудрилась забыть о предстоящей экскурсии, и вставшая у двери после звонка Людка оказалась неприятным сюрпризом.

– Куда собрались? – осведомилась она у ринувшихся на выход одноклассников. – У нас мероприятие!

– Вот сама и иди! – огрызнулся Илья, на что Людка помахала у него перед носом зеленой тетрадкой:

– Я-то пойду. А вот тех, кого в этом списке не окажется, ждут бо-о-ольшие неприятности! Ирина Стефановна велела отметить всех прогульщиков! Рискнешь, Ремизов?

Илья, у которого были особые, на грани ненависти, отношения с историей, не рискнул. Остальные тоже не решились.

И все терпеливо выслушали мини-лекцию, которую по дороге в музей прочитала учительница.

– Сегодня же первое марта? Новый год по Старославянскому календарю, – сообщила она. – Кстати, после принятия христианства этот праздник не исчез, просто трансформировался в день Авдотьи Весновки. Её еще звали Авдотьей Свистуньей. Кто знает, какое славянское божество она заменила?

Белка старательно приподняла брови и преданно посмотрела на учительницу, молясь про себя, чтобы не спросила. Судя по живому интересу на лицах одноклассников, они тоже не рвались отвечать.

Зато Людка была готова. Она презрительно скривилась и отчеканила:

– Бога ветров Позвизда.

– Верно, – улыбка Ирины Стефановны была искренней. А еще Авдотью называли Плющей, потому что в этот день солнце снег плющит. Осмотрите, какой ноздреватый! – она показала на осевший сугроб. – Считалось, что эта святая заведует весной и хранит ключи от вешних вод...

– Как вы интересно рассказываете! – вклинилась в разговор спешащая мимо женщина. – Я прямо заслушалась.

На лице Ирины Стефановны расцвела улыбка:

– Добрый день. Ребята, знакомьтесь, это Любовь Владимировна Куковица, этнограф и знаток обрядовой куклы. Поблагодарите её за приглашение.

– Спасибо, – послышалось вразной.

Белка тут же вспомнила флаер. Значит, вот эта по-домашнему уютная женщина – организатор выставки?

Любовь Владимировна улыбнулась всем разом и никому в отдельности и смущенно махнула рукой:

– Ну что вы. Всегда приятно, когда кто-то разделяет твои увлечения. А уж ожидать от нынешней молодежи, чтобы они заинтересовались куклами... Кстати, а кто знает, кого еще славяне считали хранительницей весенних ключей? Кроме Авдотьи Весновки?

Белка вздохнула: угораздило нарваться на еще одну фанатку древних обрядов. Ей самой выше крыши хватило прошлогоднего задабривания Водяного.

К счастью, Любовь Владимировна не ждала ответа лично от Белки. Её взгляд мягко скользил по лицам, а потом задержался на отозвавшейся Людке:

– Древние славяне считали, что ключи от Ирия хранятся у кукушки. Она отпирает небесные ворота, и вместе с перелетными птицами на землю приходит весна.

Взгляд Любви Владимировны стал заинтересованным:

– Правильно. Еще что-нибудь о кукушке знаешь?

– Ну, она считалась вестницей между миром живых и миром мертвых. Потому её называли вещуньей и вообще, колдовской птицей.

– Ну надо же! – развеселилась Любовь Владимировна. – Тебе нравится этнография?

– Мне нравятся древние обряды. Есть в них что-то... – Людка пощелкала пальцами, подбирая нужное слово, – криптовое.

Любовь Владимировна растерянно оглянулась на ребят.

– Криповое? Те охотно пояснили: – Ну, жуткое, страшное, вская хтонь, короче. – Думаю, в таком случае тебе понравится сегодняшняя экскурсия. Ну что, пойдём?

Любовь Владимировна обратилась ко всем разом, но Белке показалось, что зовет за собой она одну Людку.

– И здесь подмазалась, – тихо хмыкнул Илья. – Вот ведь... Лизоблюдка.

– Да ладно тебе, – отмахнулась Белка. – Ей на самом деле все это нравится. Так что ни к кому она не подлизывалась... В кои-то веки.

И, оставив удивленного неожиданным заступничеством Илью позади, Белка устремилась за успевшими уйти вперед одноклассниками. Сбежать сейчас было легче легкого, никто бы и не заметил, но было в этой женщине... нечто необъяснимое. Какой-то флер... Она явно знала больше, чем обычно рассказывают на всяких выставках. Возможно, получится выяснить хоть что-то полезное. Например, как отогнать морок. При всей нелюбви к обрядам Белка была готова их использовать, лишь бы избавиться от своих фобий. И, главное, от запаха стоячей воды.

У входа в музей Ирина Стефановна быстро пересчитала учеников и, велев ждать, скрылась внутри.

Двое парней тут же забежали за дом.

– Смертники, – хмыкнула Белка и, отступив на пару шагов, от скуки стала разглядывать больше похожие на ворота двери. Над ними застыли кованые буквы и массивные панно со стилизованными древнерусскими ладьями в кипящих речных волнах.

Ирина Стефановна вернулась очень быстро. Люда тут же доложила:

– Петров и Васечкин сбежали.

– Темную бы ей устроить, – услышала Белка недовольный шепоток.

К счастью для говорившего, Ирина Стефановна не обратила на них внимания, она как раз благодарила Люду за помощь. А потом повернулась к остальным:

– Напоминаю: в музее ведем себя тихо, не толкаемся, Любовь Владимировну не перебиваем, слушаем внимательно. Глупых вопросов тоже не задаем. Ремизов, это в первую очередь тебя касается!

– А чего сразу Ремизов? – возмутился Илья и пошел за учительницей, недовольно бормоча о всеобщей несправедливости.

Любовь Владимировна ждала их в коридоре. Почему-то на улице Белке показалось, что под пуховиком у неё цветастая, стилизованная под русский народный костюм одежда. Она бы очень подошла этой сдобной женщине с длинными, уложенными в высокую прическу косами.

Оказалось, любовь Владимировна предпочитает классику: строгая белая блузка и черная юбка. Белка не сразу заметила, что по ткани вилял вышитый крестиком орнамент. Темное на темном, тон в тон. Но красиво.

Люда тоже увидела вышивку. И застыла, не в силах отвести взгляд. Даже рот приоткрыла.

– Эй, Лизоблюдка, сейчас ворону проглотить! – хохотнул Ремизов и тут же сжался под строгим взглядом учительницы.

– Илья, о твоём поведении мы поговорим после. Возможно, вместе с родителями.

Наступившую напряженность развеяла Любовь Владимировна. Она провела ладонью по голове Люды, и Белке вдруг стало так уютно. И жалко, что погладили кого-то другого.

– Ну что, насмешники, пойдёте? – экскурсовод оглядела притихших ребят и пошла – нет, прошествовала в сторону выставочного зала.

Вдоль стен поблескивали витрины. За стеклом видели, стояли и лежали десятки кукол: мотанки, закрутки, просто лоскутные, а ещё из веточек и соломы. И все это многократно отражалось в висящих на стенах зеркалах – больших, закованных в массивные деревянные рамы, явно старинных.

– Куклы делились на игровые, ритуальные и обережные. С первыми, думаю, понятно: они служили для развлечений, и лет с пяти каждая девочка могла сделать себе забаву из кусочков ткани.

А вот с ритуальными и обережными не все так просто. Дело в том, что практически всех кукол использовали для каких-то обрядов.

Обережные, как явственно из названия, служили для того, чтобы защищать. От болезни, от сглаза, от злых духов... Отголоски этих верований дошли и до нас в виде примет. Вот какие вы знаете современные приметы?

– Мусор на ночь не выносить, а то денег не будет, – хохотнул Илья, тут же забыв просьбы учителя.

– Раз не вынес, два забил, в третий можно не выносить, в доме уже помойка, – заметила Людка и заслужила взгляд, который обещал много... нехорошего.

– Популярная примета, – серьёзно кивнула Любовь Владимировна, не обратив внимания на ремарку, – только не работает. Это производное от другой приметы, но её сейчас разбирать не будем. У нас все-таки кукольная выставка. Тебя что-то заинтересовало? – Любовь Владимировна проследила за Людой, которая не стала слушать её объяснения, а пошла вдоль полок, внимательно всматриваясь в витрины. Она словно что-то искала.

– Я читала, что обрядовые куклы делали из старой одежды, причем её обязательно рвали. А здесь, – Люда кивнула в сторону стеллажей, – И ткань новая, и срезы ровные, от ножниц.

Белка даже застыла, забыв, что старалась проشمгнуть в какой-нибудь уголок, подальше от всей этой мистической хтони.

Как же она раньше не сообразила?

Новодел! Та кукла под лобовым стеклом тоже была новоделом!

А она уже напридумывала!

Расплывшаяся в улыбке Любовь Владимировна озвучила её мысли:

– Ты заметила? – Просто сделанных по всем правилам кукол очень мало, сейчас редко кто владеет полными знаниями. Уже в конце девятнадцатого века даже в деревнях стали забывать, как оно должно быть на самом деле. А на мастер-классах не всегда соблюдают канон, следуя внешнему, но не внутреннему. Ребята, вы не представляете, как я рада, что молодежь интересуется наследием родной страны. Тебя как зовут?

– Люда...

– Эй, Лизоблюдка! – вклинился в разговор Илья, – А ты знаешь, почему здесь все куклы без лиц?

– Чтобы она тебя ночью не сожрала! Захочет – а рта нет! – отрезала Людка.

Терпению Ирины Стефановны пришел конец. Она встала между спорщиками и грозно отчеканила:

– Ремизов! Завтра в школу с родителями! Соломатина! Держи себя в руках.

Любовь Владимировна мягко оттеснила учительницу и улыбнулась, обращаясь к Ремизову:

– Тебя же Илья зовут? Знаешь, Люда правильно сказала. В древности считали, что через глаза и рот может вселиться злой дух. Или кукла отнимет душу кого-нибудь из хозяев. Поэтому и не рисковали. Еще остались вопросы?

Ремизов спрятал руки в карманы и отступил, стараясь затеряться среди одноклассников.

А экскурсовод улыбнулась:

– Ну что, пойдём дальше?

Белка бездумно смотрела на полки. Зря только боялась. Но вот это ощущение взгляда в спину... Когда он стал слишком сильным, Белка резко оглянулась. В зеркале отразились куклы и Людка. И, где-то дальше – другое зеркало, и в нем – опять Людка, куклы и... сама Белка.

Она поспешно отвернулась: неприятное зрелище, этот зеркальный коридор.

А Любовь Владимировна продолжала:

– Были и одноразовые куклы, сделанные специально для определенного ритуала. Например, для похорон кукушки. – она указала на сплетенный в виде птицы пучок сухой травы. – Обряд был своего рода инициацией, после него девочка считалась уже девушкой, невестой. А еще во время ритуала гадали. Если трава для куклы рвалась легко, задуманное должно было исполниться. Если нет, то простите, ждите следующего года. А через определенное время после похорон кукушку выкапывали и смотрели, что случилось с одеждой и украшениями. Чей лоскуток сгнил или чьи бусы рассыпались, того ждут беды. А если кукла осталась чистой, красивой, то и год будет удачным. Кстати, парни к этому гаданию не допускались. Поэтому они старательно выслеживали, где девушки спрячут куклу и разоряли схрон. – Борьба матриархата с патриархатом? – хохотнул Илья.

– Возможно, – кивнула Любовь Владимировна. – Вообще, в ритуалах частенько прослеживаются отголоски строя и его изменений. Нужно только знать, на что смотреть. Но пойдёмте дальше, а то время не резиновое, а я о каждой кукле могу часами рассказывать. Вот об этой парочке, например... – она сняла с крючка связанных между собой куколок. – Это Мартинички. Белая – символ уходящей зимы, красная означала весну. Ну и как вы поняли по названию, мастерили их в марте. Вот их мы сегодня и будем делать.

С этими словами она повела учеников к столам, где были разложены клубки белых и красных ниток.

– Мы что, малыши, с куколками играть? – скривился Илья. – Девчонки вон пусть мотают.

– Ремизов, еще одно слово, и я снижу оценку за четверть! Не делаешь сам, так хоть другим не мешай! Гарина, а тебе отдельное приглашение нужно? Помнится, ты мне разными обрядами все уши прожужжала, а теперь что, весь интерес пропал?

Белке захотелось огрызнуться. Вот прямо очень. Словно кто-то подзуживал ответить обидно и резко. Но она сдержалась: зря, что ли, экскурсию терпела? Получить тройку из-за пререканий было бы обидно. И она потянулась за нитками и картонкой.

– Наматываем аккуратно, виток к витку, – учила Любовь Владимировна. – Сделали? Снимайте. Осторожно, чтобы не запутать петли. Потом берете нитку и перетягиваете то, что намотали, вот здесь. Видите, получилась голова. Теперь нужно сделать руки.

Белка сначала старательно следовала указаниям, но когда дошло до завязывания, остановилась. Первый узел всегда делался на поясе, символизируя пуповину, а Любовь Владимировна сначала сформировала голову.

Хотя резон в её действиях был: кто знает, что случится, если сделать все по правилам?

Порадовавшись, что Любовь Владимировна предусмотрел даже это, Белка продолжила работу. А потом заметила, что Люда старательно завязывает первую нить там, где у куклы должна быть талия.

– Неправильно же, – зашипела на неё Белка. Расхлебывать последствия необдуманных действий Лизоблюдки ей не хотелось.

– Как раз правильно, – тихо ответила Люда и, полюбовавшись на результат, завязала следующий узелок.

– Соломатина! Гарина! О чем вы там шепчетесь? Вам скучно? – раздался строгий голос учительницы.

– Нет-нет, очень интересно, Ирина Стефановна, – тут же отозвалась Лизоблюдка. – Я просто рассказала Оле, что Мартинички имели еще одно значение. Они символизировали детей.

Белка так опешила от этих слов, что даже не успела возразить. А Любовь Владимировна снова расцвела:

– Не совсем так. Ты сейчас говоришь о кукленишах. Они делаются по тому же принципу, но отношения к мартиничками не имеют. Вот, посмотрите, это Неразлучники, – она указала держащихся за руки «мужчину» и «женщину». – Их делали на свадьбу. Считалось, что пока кукла цела, остуда семье не грозит. Ну а когда у пары появлялись дети, то делали кукленишей и подвешивали между «родителями». Вот так.

С этими словами Любовь Владимировна взяла ближайшего к ней мартиничка и подвесила к Неразлучникам.

– Сколько детей, столько кукленишей, – рядом с красной, Белкиной куклой повисла белая. Та, которую сделала Люда. Любовь Владимировна полюбовалась на них и спросила: – девочки, вы же не против отдать этих кукол в коллекции? Очень уж аккуратные они у вас получились.

Белка пожалала плечами: нарушив порядок действий, она не дала мартиничку стать ритуальным. Насчет Люды уверенности не было, но та сама должна понимать, что натворила. Но та захлопала в ладоши:

– Получается, мы с Олей теперь сестры? раз наши куклы у одних родителей.

Белка отшатнулась. Вот только родственных связей с этой ненормальной ей и не хватало! За спиной уже послышались смешки.

Любовь Владимировна тоже рассмеялась:

– Ты слишком много хочешь от обычных кукол! Для того чтобы стать сестрами, нужен другой обряд, да хотя бы похорон кукушки. Но он временный! После этих слов Белка уже спокойно смотрела на то, как её мартиничка вместе с новой семьей убирают на полку. Он отразился в зеркале, и на миг показалось, что в его глубине стекла качнул голыми ветками заснеженный лес.

Белка быстро оглянулась – никто этого не заметил. Все занимались своими куклами, а Ирина Стефановна находила вдоль столов, как в классе. Потом она остановилась рядом с Ремизовым.

– Надо же! Оказывается, ты тоже умеешь не отставать от коллектива. Когда захочешь, разумеется.

Илья не ответил. Он завязал последний узелок и взял маркер. А потом быстро нарисовал кукле глаза, нос и огромную – от уха до уха – улыбку. На нитках получилось плохо, лицо перекошилось, и Белка вздрогнула – страшилище!

– Вот, Людка! Это тебе! – Илья рассмеялся и кинул поделку Лизоблюдке.

Кукла ударила её по лбу и упала на стол.

Наступила тишина. Слышен был лишь треск люминесцентной лампы под потолком и гневный возглас учительницы:

– Ремизов! Что ты себе позволяешь! – показался вскриком раненой птицы.

Люда спокойно подняла куклу через первый попавшийся лоскуток, осмотрела и... швырнула обратно:

– Тебе того же, и по тому же месту!

Белка ахнула. Она поняла, что именно сейчас сделала Людка. И сделала так спокойно, как будто ей каждый день приходилось отправлять в обратку проклятия и слезы.

А, может, так и было? Ей же постоянно желали чего-нибудь... нехорошего.

– Соломатина! Ты тоже с родителями, – Ирина Стефановна едва сдерживалась, чтобы не перейти на крик, – Без них можете оба на уроки не приходите, не пушу!

– Он первый начал, – глаза Людки тут же покраснели. Даже губы задрожали в попытках сдержать слезы. Но взгляд при этом оставался совершенно спокойным.

– Все равно! Ты же девочка! Почти отличница! Должна уметь себя сдерживать. – Значит, меня теперь можно гнобить, а я и ответить не смею? – всхлипнула Лизоблюдка.

– Да что же за день сегодня такой? – пробормотала Ирина Стефановна. – Хорошо, я тебя услышала.

Губы Людки снова дрогнули. Как будто от обиды, но Белка, которая теперь внимательно наблюдала, видела, что Лизоблюдка с трудом сдерживает торжествующую улыбку. Вот так. Не любимая одноклассниками, она, оказывается, мастерски манипулировала взрослыми. Вон, Ирина Стефановна даже не заметила, как стала плясать под её дудку.

– Ремизов, а твое наказание остается в силе. Завтра придешь с родителями!

– А че я такого сделал-то? – возмутился осознавший всю глубину проблемы Илья. – Ну, кинул куклу. Так она же легкая, даже синяка не останется!

– Ремизов! – голос учительницы стал ледяным.

Илья фыркнул и, пробормотав что-то о несправедливости и любимчиках, вылетел из помещения. Но то ли споткнулся, то ли поскользнулся и упал. Попытался вскочить, одновременно оглядываясь на захихикавших одноклассников, но вскрикнул и снова оказался на полу.

И всем было хорошо видно, как распухает покрасневшая лодыжка.

Поднялась суета. Кто-то кричал, что надо позвонить в «Скорую», кто-то доставал смартфон – то ли для того, чтобы вызвать врачей, то ли для съемок – как пропустить такое происшествие? Потом учительница спохватилась:

– Надо приложить холод!

Из буфета принесли запотевшую бутылку минералки. Ирина Стефановна уже забыла про свое недовольство и суетилась вокруг Ильи. Людка стояла чуть в стороне, так, чтобы не мешаться под ногами у тех, кто помогал, и даже не пыталась скрыть усмешку. А когда поймала взгляд Белки, ухмыльнулась еще шире. Показалось, между бледных губ мелькнул тонкий раздвоенный язык.

От неожиданности Белка вздрогнула. В голове промелькнуло, что разговоры о подмыше могут быть не пустой болтовней. Не будет же мама ни за что обзывать собственного ребенка?

Приехавшая «Скорая» заставила забыть о глупостях. Илье наложили обтянутую оранжевой клеенкой шину и погрузили его в машину. Ирина Стефановна села было к нему, но тут же выскочила:

– Ребята, я должна поехать с Илей. Вы уже взрослые, надеюсь, доберетесь до дома без приключений?

И, не слушая заверений, суетливо залезла обратно.

«Скорая» уехала, так и не включив сирену и проблесковые маячки, чем разочаровала невольных зрителей. Когда все закончилось, ребята пошли одеваться. Никто и не подумал остаться на ненужную экскурсию. Разве что Лизоблюдка.

Часть дороги Белка прошла с одноклассниками. Разговоры были только об Илье.

– Думайте, что хотите, но это из-за Лизоблюдки! Вы же все видели, что она сделала? Да еще с такой злостью!

– Да ладно тебе. Там мокро было, уборщица только что пол помыла. Вот и поскользнулся.

– Не, ребят, таких совпадений не бывает.

Белка почти не слушала, погружившись в свои мысли, и вздрогнула, когда к ней обратились:

– Ты должна знать! Как думаешь, Илюха сам упал, или Лизоблюдка помогла? Ведь точно она! У меня от одного её взгляда спина заледенела!

– Я вам что, ясновидящая? – удивилась Белка. – Кому интересно, сами у неё и спросите!

– Ты же тоже на этот кружок раньше ходила. Расскажи!

Обсуждать колдовство и прочие неприятные вещи не хотелось. Отделавшись от компании, Белка свернула на боковую улочку, срезая дорогу через квартал, и ускорила шаг: пусть до дома было недалеко, но она уже успела замерзнуть. Сама виновата: нечего было выпендриваться и натягивать вместо пуховика осеннюю куртку.

Но дома согреться не получилось: в квартире оказалось так же холодно, как на улице.

Белка сразу пошла к себе в комнату, однако фрамуга была закрыта. На кухне тоже все было заперто, как и в родительской спальне. Но дыхание срывалось с губ невесомым облачком, которое быстро растворялось в воздухе.

Белка положила руку на батарею. Она была горячей.

Глава 5

Решив, что был какой-то сбой, и в квартире скоро станет тепло, Белка натянула свитер и шерстяные носки. Легкий зимний сумрак и холод делали квартиру похожей на погреб, отчего улегшиеся было страхи полезли наружу. Белка не выдержала и включила свет.

Лампочка вспыхнула и громко лопнула, рассыпавшись мелкими, похожими на иней осколками. Пришлось тащить пылесос. Но он никак не включался, как Белка не жала на кнопку.

– Что за чертовщина. Может, замыкание?

Отшвырнув ногой провод, она направилась в коридор, чтобы проверить, не выбило ли пробки, и в это время на кухне загромыхал холодильник.

Ему тут же ответил невыключенный пылесос, и везде, кроме комнаты с разбитой лампой, загорелся свет.

– Точно замыкание. И никакой чертовщины! – повеселела Белка.

Она стянула душный свитер и влезла в кигуруми. Рыжий комбинезон с задорным хвостиком и веселыми кисточками на ушках окончательно поднял настроение. На душе стало уютно и тепло.

Напевая бойкую мелодию, Белка протанцевала в кухню, поставила на плиту сковородку и открыла холодильник.

Из тускло освещенного нутра пахло затхлостью. Белка поморщилась: отключение электроэнергии явно не прошло без последствий. Масло покрывала толстая желтая пленка, на куске сыра обнаружили островки синеватой плесени, и только молоко в пластиковой бутылке не подавало признаков испорченности. Белка осторожно понюхала и, не уловив кислого запаха, хлебнула прямо из горлышка.

И едва успела добежать до раковины.

Горечь выворачивала наизнанку. Белка долго полоскала рот, но до конца избавиться от тошнотворного привкуса не получилось. В надежде, что ужин поможет заглушить горечь, Белка вернулась к плите.

Масло зашкворчало, когда из скорлупы на сковородку вылилась черная жижа. Вонь пропущенных яиц заполнила кухню. Зажимая нос, Белка добежала до туалета и вывалила неудавшуюся яичницу в унитаз, а потом долго проветривала квартиру. Но с вонью не справились даже любимые ароматические палочки. И даже жженая бумага!

Остаться дома было просто невозможно, и Белка позвонила тете Наташе. Та коротко велела идти к ней.

У маминной подруги было уютно. Светлые стены, такая же мебель. Из кухни доносился аромат сдобы. Тетя Наташа накормила не то, что до отвала, а, кажется, впрок. И предложила остаться на ночь.

Вспомнив про пустой холодный дом, Белка согласилась.

Ей постелили на диване и велели не стесняться, если что-нибудь понадобится. Осоловевшая от сытости и тепла Белка кивала и заснула, едва осталась одна.

И очутилась в уже знакомом лесу. Только сугробов стало меньше. Они подтаяли, превратив землю в болото.

Деревья все так же тянули к небу костлявые пальцы, украшенные картинками. Алые куклы давно потеряли яркость, а белые напоминали цветом грязный снег под ногами. Они так напитались влагой, что даже ветер не смог их раскачать, и куклы грустно висели на полусгнивших нитках.

Над ними, в серой мгле, которая затянула небо вместо облаков, кружили птицы. Единственные живые существа в этом безликом мире.

– Оля...

Белка вздрогнула и оглянулась. Вокруг не было никого.

– Оля...

– Кто здесь? – она заозиралась, гадая, не почудилось ли. Слишком уж он напоминал шелест ветра.

Только ветру нечем было шелестеть в этом лесу. Ни одного листочка на деревьях, а под ногами – холодная жижа.

– Есть здесь кто? – снова позвала Белка.

Не дождавшись ответа, она опять посмотрела в небо. Там парила только одна птица. Она кружила широкой спиралью, спускаясь все ниже, так что уже можно было рассмотреть и хищный силуэт, и широкие крылья с «пальцами» перьев по краям.

Белка залюбовалась стремительными движениями. Она забыла обо всем и вздрогнула, когда в спину ударила струя холодного воздуха – как будто кто-тодохнул морозом.

Вздрогнула и развернулась навстречу новой опасности.

По затылку мазнуло крыло промахнувшегося хищника. Недовольно вскрикнув, он взмыл обратно в небо, задев кукол. Нити не выдержали, и землю усеяли осколки чьих-то ритуалов. Мартинички отчаянно раскачивались, и, казалось, они изо всех сил вцепились в голые ветки в попытке не упасть.

– Оля... – снова послышалось за спиной.

Белка резко развернулась на пятках.

Пустоту за спиной быстро заволакивал туман. Из его глубины послышался какой-то смутно знакомый звук. И приглушенный расстоянием голос опять позвал:

– Оля, помоги...

Звонок будильника напоминал визг дрели: такой же надсадный и проникающий в черепную коробку. Бека открыла глаза и снова зажмурилась: незнакомая комната, диван вместо кровати... Может, это продолжение сна? Дышать стало тяжело, и на лбу выступила испарина. Не желая верить происходящему, Белка с головой замоталась в одеяло. Да, по-детски, но это все, на что её хватило.

Легкий стук в дверь заставил оцепенеть от ужаса.

– Оля, пора вставать, – послышался голос тети Наташи. – Ты чем обычно завтракаешь? Горячими бутербродами или яичницей? Может, сварить тебе кашу?

Так это не сон! Она же в гостях! Белка села на кровать и вздохнула, чувствуя, как успокаивается сердцебиение. А заодно и выключила надрывающийся будильник с жутким рингтоном. Подумать только, когда-то эта мелодия ей даже нравилась! – Оля? Ты проснулась? Белка лихорадочно кинулась заправлять кровать. Есть не хотелось, но тетя Наташа все еще стояла под дверью. – Спасибо. Но я опаздываю. Я в школе поем!

Проскользнув мимо опешившей маминой подруги, Белка выскочила во двор.

И застыла, не зная, что делать. Идти домой было страшно, но школьные вещи она взять с собой не догадалась. Но и стоять посреди двора тоже не вариант.

– А, эти твари, похоже, меня везде достанут, – пробурчала Белка, набираясь смелости, и побрела к своему подъезду. А потом долго не решалась вставить ключ в замочную скважину.

Квартира встретила тишиной и впитавшейся в стены вонью тухлых яиц, от которой к горлу подступила тошнота. Завтрак отменился окончательно.

Белка вздохнула и пошла в свою комнату – надо было переодеться в школьное и собрать сумку. Жакет с брюками небрежно висели на спинке стула и, казалось, тоже воняли тухлятиной, а целлофан на окне похрустывал от сквозняка, словно насмехался над невозможностью проветрить комнату.

К счастью, был второй комплект формы. Он висел в шкафу и не успел провонять так, чтобы это было заметно окружающим.

В классе стояла необычная тишина. Никто не разговаривал в голос, парни не дурачились, девочки не выясняли отношения. Все разбились на небольшие группки и шептались, оглядываясь и замолкая, если кто-то походил мимо.

В центре всего этого безобразия сидела Людка. Вокруг её парты кучковалась компания из четырех девчонок, и все они внимательно слушали, что она им вещает. До Белки донеслось несколько фраз: разговаривали о куклах.

Лиза почти слово в слово повторила внеклассные уроки Ирины Стефановны.

– Если все правильно сделать, то с помощью куклы можно даже наложить на человека проклятье.

Парни за соседними партами изо всех сил делали вид, что не слушают: копались в ранцах, листали учебники, проявляя несвойственную обычно тягу к знаниям. И только Алексей, вечный троечник, слушал открыто, усмехаясь, когда Людка переходила на трагический шепот. Наконец, даже он не выдержал:

– Так вы все-таки поверили, что Илюха из-за неё ногу сломал? Вот бабки суеверные! – рассмеялся он, но тут же закашлялся, когда к нему повернулась Люда и растянула губы в улыбке.

Даже у Белки по спине пробежал холодок, когда Лизоблюдка заметила её и уставилась в упор, продолжая говорить:

– Любовь Владимировна большой знаток обрядов. Если бы кое-кто сделал свою куколку по всем правилам, получил бы дополнительный оберег для себя и родителей. А так...

Не обращая внимания на намек, Белка молча прошла к своему месту. Её все еще мутило от запаха тухлых яиц, и ей показалось, что шепотки принадлежат не одноклассникам, а сидящим в шкафах куклам. Но стоило прислушаться, как он распался на отдельные голоса, хотя разобрать слова не получалось. Белка прикрыла глаза, чтобы не видеть искаженных стеклянными дверцами силуэтов, достала наушники и включила музыку на полную громкость.

Но даже орущий в самые уши певец не смог перекрыть леденящий шепот. Зато полностью заглушил звонок.

О том, что начался урок, Белка поняла, только когда подошедшая Ирина Стефановна потянула за провод:

– Музыка будешь слушать во внеучебное время. Это всех касается. Увижу телефон – заберу до конца урока.

Белка нехотя убрала смартфон. И поймала Людин взгляд. Лизоблюдка улыбнулась и, покопавшись в видавшей виды сумке, достала картонную коробочку.

– Ирина Стефановна! – она вытянула руку, как нетерпеливая первоклашка.

– Что? – повернулась к ней учительница.

– Мы тут с девочками поговорили, – она обвела взглядом тех одноклассниц, которые несколько минут назад кучковались около её парты, – и решили, что вы для нас очень много делаете. Придумываете интересные уроки, всякую движуху... Договорились насчет музея. Знаете, это было незабываемо!

– В общем... Вот, – она протянула учительнице коробочку, – Это отдарок. От нас.

Ирина Стефановна удивленно приподняла брови, а потом улыбнулась:

– Спасибо, – голос прозвучал звонко, искренне. Она действительно была счастлива.

Белка внимательно смотрела, как она забирает подарок, как несет его к своему столу, и когда учительница потянула за край яркой ленты, едва сдержалась, чтобы не остановить.

Очень уж напряженной была улыбка Лизоблюдки.

В коробочке оказалась тряпичная кукла. Небольшая, с указательный палец размером.

Ирина Стефановна повертела её в руках и, довольно кивнув, устроила её на столе, рядом с очечником:

– Спасибо, – повторила она. – Я рада, что вы таким необычным способом отметили мои старания. Но еще больше я рада тому, что вы используете все это в обычной жизни. Ребята, – обратилась она к остальному классу, – вот вы знаете, что такое куколка-отдарок?

Не увидев на лицах ответной заинтересованности, учительница сникла и вздохнула:

– Ладно, Люда, иди на свое место, – и обвела взглядом класс: – Давайте начнем, мы и так много времени заняли. Тема сегодняшнего урока...

Она говорила тихо, вдохновенно. Глаза загорелись, и класс невольно заразился настроением её настроением. Только Белке было не до уроков: очень хотелось есть.

– Гарина тебя что-то беспокоит? – Ирина Стефановна заметила её невнимательность.

– Нет. Все хорошо.

– Тогда не отвлекайся, – учительница потерла висок. – На чем я остановилась?

Она продолжила урок, но пальцы все чаще прикасались голове, а потом Ирина Стефановна и вовсе надела теплый жакет, который обычно висел на спинке её стула. И голос становился все тише.

Когда прозвенел звонок, учительница даже не смогла попрощаться, лишь махнула рукой, отпуская ребят с урока. Класс наполнил шум отодвигаемых стульев, гомон, смех и топот.

Сумка выскользнула из рук Белки. Пока она её поднимала, все уже убежали. В классе осталась только она и Ирина Стефановна.

Она сидела за столом, уронив руки на колени и глядя на подаренную куклу.

– Может, вам в медпункт сходить? – тихо спросила Белка.

Учительница вздрогнула, словно очнулась от сна и слабо улыбнулась:

– Спасибо, Оля. Я просто устала что-то. Наверное, не выспалась, работы было много. Ты иди, а то на урок опоздаешь.

Бека тихонько вышла и тут же забыла об учительнице: все-таки десять минут перемены, это так мало!

У дверей, почти перекрывая вход, толпились девочки. Стоящая в центре компании Люда что-то вещала, Белка уловила несколько слов про отдарки.

Ну что же, Лизоблюдка нашла способ не быть изгоем.

Заметив Белку, она повысила голос, явно рассчитывая на ответ. Слушатели тут же заинтересовались, чем закончится эта дуэль. Белка вздохнула: они явно ищут нового козла отпущения.

– Не все суеверия одинаково полезны. Вы же слышали, что говорила Любовь Владимировна.

– А до неё кое-кто другой сказал: по вере вашей да будет вам, – хохотнула Люда, и у Белки зашумело в ушах. Она схватилась за стену, чтобы не упасть, привычно делая дыхательную гимнастику, чтобы погасить паническую атаку.

Людка хмыкнула и прошла мимо, задев Белку плечом. Но ей было не до Лизоблюдки. Доползти бы своего места!

Добравшись до стула, Белка рухнула на него и посмотрела на часы: до конца перемены осталось три минуты. Надо было не спорить, а топтать в буфет. Теперь её тошнило не от вони, а от голода.

Весь урок она просидела, молясь, чтобы учитель не вызвал её к доске. А на перемене бросилась в столовую.

Белка проглотила гречку с котлетой, запила компотом и поняла, что не наелась. В буфете еще оставались булочки, она купила три штуки, и на уроке незаметно отламывала по кусочку.

Но голод не пошел. Внутри словно поселилась черная дыра.

По дороге домой Белка заскочила в магазин, купила яиц, хлеба и курицу, чтобы приготовить обедаужин. И заглянула кафе за пирожными. Несла их в руках, чтобы не помять, но увидев во дворе знакомую машину, забыла обо всем.

– Папа! – бросив в коридоре сумки, она влетела в квартиру и наткнулась на суровый взгляд.

– Оля, что ты здесь устроила? – холодно поинтересовался отец.

– Что... устроила? – не поняла Белка.

– Еще спрашиваешь? Что с окнами? А с холодильником? Приехали, и даже пожарить нормально не получилось, одна тухлятина. Как ты умудрилась испортить все продукты?

– Па, это не я. Вчера свет отключили, а что я сделаю в темноте и с неработающим холодильником? А что с окном я не знаю. Наверное, замок сломался.

– Не надо мне тут ля-ля. Свет у неё отключили. Холодильник, это большой термос, за пару-тройку часов не разморозится.

– Па!

Белка стояла посреди кухни, не зная, что еще сказать. Почему папа ей не поверил, она же правду говорит!

– Ладно, бог с ним, пусть свет, пусть протухло... Но испорченные продукты надо было выкинуть? И все помыть? За ночь должна была управиться.

– Па, я же все выкинула, где смогла – протерла. И вообще, мне утром надо было в школу идти!

– Мать порядок наводит, а доча дом громит, – пробурчал папа.

– Ладно, сейчас уберусь, – схватила за тряпку Белка. Не такой она представляла встречу, совсем не такой.

– В магазин сперва сходи, в доме шаром покати.

– Я по дороге зашла. Вот. Курица. – Белка водрузила пакет на стол. – Можно с картошкой в духовке приготовить.

Папа открыл ящик с овощами. Вместо картошки на дне лежала пахнущая сырым погребом масса.

– Ты этим собралась нас кормить? Ну спасибо, доченька. Так, я в магазин, и чтобы к моему приходу кухня блестела!

Он натянул куртку и вышел, оглушительно хлопнув дверью.

Белка чуть не заплакала от обиды. Как будто это она замыкание устроила! Но спорить с папой было бесполезно, и она пошла к себе, чтобы переодеться.

В центре комнаты стоял большой желтый чемодан. А рядом с ним, на стуле, сидела Света, чинно сложив руки на коленях.

– Привет, – кивнула ей Белка и замерла, когда двоюродная сестра подняла взгляд.

Раньше в карих глазах всегда прыгали чертенята. И пусть от них доставалось в основном Белке, без этих огоньков Света казалась какой-то... чужой, что ли? словно старинная холодная фарфоровая кукла с таким же холодным взглядом.

– Свет, ты чего? – Белка присела перед ней на корточки и потеребила за руку. – Эй...

Света улыбнулась, но взгляд не изменился.

– Здравствуй, Оля. Ты не представляешь, как я рада тебя видеть. Прости, я тебя потесню. Постараюсь не путаться под ногами и не мешать.

Вот теперь стало действительно страшно. Той Свете, которую она знала, было плевать на остальных. И он бы точно не стала ждать с неразобранным чемоданом, когда хозяйка комнаты явится домой. Давно бы уже выкинула её вещи из шкафа и разложила собственные, да так виртуозно, что жаловаться взрослым было бы бесполезно: для них Светочка, отличница, была ангелом во плоти. Неземным существом, к которому не прилипает мирская грязь.

– А чего дядя Игорь на тебя ругался? – Света как будто не заметила Белкиного удивления.

– Да так, ничего особенного, на кухне не убралась.

– Тебе помочь? – Света тут же встала, готовая мыть, оттирать, и нести в мир чистоту и порядок.

Белка попятилась: это существо, которое выглядело как Света, двигалось, как Света и говорила как Света, Светой явно не была. Чтобы та подорвалась помочь? Да она, скорее, свои обязанности на кого-нибудь перекинет!

Хотя... психологическая травма у человека, очевидно же!

И Белка вежливо отказалась:

– Сама справлюсь. А ты отдыхай, можешь пока на мою кровать лечь.

– Мне бы чемодан разобрать, – попросила Света.

Белка открыла шкаф, сгребла в охапку с двух полок вещи, удивляясь собственному гостеприимству.

– На первое время хватит?

Света кивнула и наклонилась к чемодану. Щелчки замков прозвучали слишком громко.

Белка устала заикливаться на странностях, тем более что папа ясно сказал: успеть к его приходу. Она быстро переделалась и принялась за уборку.

Мешок для мусора – в центр кухни. Туда выгрести все, что испортилось. Посуду – в раковину, ящики из холодильника и из-под овощей – в ванную.

Белка носилась, как угорелая, но явно не успевала. Да еще Света заглянула:

– Ой, тут занято. А я помыться с дороги хотела...

– Я где-то через полчаса освободится, – Белка вытерла лоб рукавом, роняя на пол хлопья пены. – Подождешь?

– Конечно, – кротко кивнула Света.

В комнате что-то грохнуло. Белка бросила тряпку и рванула на звук. Когда она вошла, Света стояла возле окна, разглядывая порванный целлофан. Сквозняк трепал его неровные края, и гонял по испачканному чем-то темным подоконнику крапчатое перо.

Глава 6

– Там... птица, – Света осторожно коснулась пера. – Она ударилась о стекло, окно открылось и порвало пленку.

Белка выглянула наружу.

– Что там? Она жива? Не разбилась? – Света засуетилась, пытаясь тоже посмотреть на улицу и больше мешала.

– Стекло чистое. Значит, цела твоя птица.

– Она не моя, – Света аккуратно положила перо на край стола. – Знаешь, я хотела попугайчика или канарейку, но мама не разрешила. Сказал, от них шум и грязь.

Она прерывисто вздохнула.

Белка прекрасно знала, что живность не заводили потому, что уход за ней был бы скинут на родителей. Света и у бабушки не горела желанием помочь, даже налить кошке молока не удосуживалась.

Но сейчас сестра выглядела такой несчастной, что её стало жалко:

– Ты только не плачь! Твои родители поправятся, вот увидишь! И разрешат тебе хоть попугайчика, хоть канарейку... Я сама их об этом попрошу, честное слово!

Света робко улыбнулась. Белка уже привычно подперла фрамугу книгами. Скорее бы все починили!

Но папа заниматься окном не стал. Вместо этого он занялся готовкой. Белка кинулась помогать, как обычно, но услышала только про растущие не из того места руки.

Это было так несправедливо, что слезы потекли сами.

Стараясь не разреветься в голос, Белка пошла в свою комнату.

Света уже закончила раскладывать свои вещи.

– Там ванная освободилась? – спросила она и осеклась, увидев, как сестра кусает губы. – Оля, ты чего? Что-то еще случилось?

– Нет, – отрезала Белка. Глаза Светы ту же наполнились слезами. Она всхлипнула. Её же и пришлось утешать.

– Да честно! Ничего страшного. Извини, что накричала. Ну что ты, на каждое слово теперь обижаться будешь?

Света быстро вытерла глаза и повернулась, старательно растягивая губы в улыбке:

– Ничего. Это ты извини, я, наверное, просто устала.

– Да-да, ты устала. И папа тоже, вот и злится, – ухватила Белка за слова сестры. – Сейчас отдохнете, и все пройдет. Она засуетилась, доставая чистое полотенце и объясняя сестре, что где стоит: – Там на полке у меня есть пенка для лица, банановая, увидишь. И скраб! Он в розовой коробочке, слева. Пользуйся. Ольга только кивала, а потом просто сбежала. Белка осталась одна в комнате, которая вдруг показалась чужой. Даже запах изменился! И травяная пирамидка совсем не помогла. Тонкие струйки дыма поднимались над алыми крупинками и бесследно растворялись в воздухе. Ощущение того, что это не комната чужая, а она, Белка, чужая в этом доме, накрыло с головой. Не думая, она кинулась прочь. Промчалась по коридору и ворвалась на кухню. Папа, который нарезал огурцы для салата, сперва опешил, а потом подмигнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.